

84Р6
П30

Борис Петров

ВЬЮЖНАЯ
НЕДЕЛЯ

528944

Борис Петров

ВЬЮЖНАЯ НЕДЕЛЯ

Рассказы

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата — 1956

СОДЕРЖАНИЕ

Вьюжная неделя	3
Возвращение	42

528944

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

На озере от мороза гулко треснул лед. Конь вздрогнул, оторвался от воды и встревоженно запрядал ушами.

Алексей кончиком брезентовой рукавицы обломал края проруби, тихо посвистел коню:

— Пей, Алмаз, не обращай внимания.

Жеребец успокоился и, звякая удилами, потянулся опять к воде.

«Надо прийти вечером, выдолбить прорубь, иначе за ночь так заморозит, что потом до воды не доберешься», — подумал Алексей, глядя, как прорубь быстро затягивается прозрачной ледяной пленкой. Резкий северо-западный ветер жег лицо. Намокшая брезентовая рукавица моментально обледенела.

На озере по бугристому зеленому льду с шорохом струилась позёмка. Белесая мгла, похожая на туман, обволакивала горизонт. Солнце едва просвечивало сквозь нее тусклым расплывчатым пятном. Животноводческая ферма, стоявшая на возвышенности, метрах в восьмистах от озера, еле выделялась в серой мгле. Степь, всегда такая просторная, сверкающая, казалась неприветливой и тесной.

Алексей поглядел по сторонам, озабоченно думая о том, что погода портится, а заведующему фермой Степану Островному предстоит ехать за двадцать километров к южным склонам горы Культай, куда Байдала и его брат Канаш угнали колхозных лошадей на тебеневку.

Обычно кто-нибудь из пастухов дня через три-четыре

приезжал на ферму за продуктами. Теперь же прошла целая неделя, а с тебеневки вестей не было. На ферме не на шутку встревожились. И в последнее время то Алексей, то доярка Лена Маркелова по несколько раз в день взбирались на поветь — смотрели, не покажется ли верховой в степи.

Наконец, Островной решил сам съездить к тебеневщикам и узнать в чем дело.

«Часа через три будет на Култае. Лишь бы буран не поднялся», — подумал о нем Алексей и снова с опаской глянул на небо.

...Конь уже напился. Подрагивая от холода, нетерпеливо переступал тонкими стройными ногами со светлыми копытами. Алексей подобрал поводья, вскочил на коня и пустил его рысью.

Степан Островной, совсем готовый к отъезду, дождался возле ворот фермы. На нем был надет дубленый полушубок, туго перетянутый широким офицерским ремнем, и подшитые кожей валенки. Из-под шапки, по кавалерийской привычке, чуть сдвинутой набок, выбивался русый волнистый чуб. Лицо Степана, с крупными серыми глазами, строго сжатым ртом и с пунцовой звездочкой шрама на левой щеке — след пули фашистского автоматчика — имело сосредоточенное, решительное выражение. Всем своим видом Степан напоминал командира, который стоит перед строем эскадрона и вот-вот подаст громкую, бодрую команду:—По коням!

Позади него ночной сторож Платоныч, припав на деревянный протез, как ординарец, держал седло. Под черными с проседью усами Платоныча дымилась неизменная цыгарка. Ветер нес ему в глаза елущий махорочный дым, а он только покашливал да шевелил густыми нависшими бровями.

Лена, в распахнутой шубке, из-под которой виднелась серенькая вязаная кофточка, стояла тут же с туго набитым вещевым мешком в руках. Она что-то крикнула подъехавшему Алексею, но тот, не расслышав, спрыгнул в снег.

— Кажется, я опоздал?

— Ничего, как раз во-время, мы только что вышли, — сказал Степан, одной рукой принимая поводья, а другой лаская гриву коня, — как он сегодня, не капризничал?

— Напился хорошо. Ты как решил ехать, напрямик или трактором? — спросил Алексей.

— Напрямик. Здесь ближе. Разве что с дорогой будет плохо.

— Я ездил по ней за дровами, неважная дорога. Но верхом проехать можно.

— Проседешь, не мешкай только, — кивнул Платоныч, хмуро вглядываясь в степь, — погода вон что-то придумывает. Не закрутило бы.

— Задерживаться не стану.

Степан заседлал Алмаза, проверил подпругу, вдел валенок в стремя и легко вскочил в седло.

— Леночка, — попросил он, — подай мою амуницию.

Лена, придерживая раздуваемую ветром шубу, подала рюкзак. Степан тронул коня.

— Степан Матвейч, стойте!

Через двор, громко крича, бежала повариха Груша, раскрасневшаяся, видимо, только от плиты, с голыми по локоть руками и в одной телогрейке, наскоро наброшенной на плечи.

— Ой, батюшки, насилу успела. Дровец ты мне наколол, дядя Яша, впору хоть самой полезай в печку, — запыхавшись, говорила она, подбегая к Степану и протягивая ему узелок. — Степан Матвейч, передай ребятам, пусть поедят.

— Что это такое? — нахмурился Степан и отвел ее руку.

— Пирожков я им сделала с картошкой. Соскучились, поди, по мякотьному. На сухом хлебе ведь все время.

— Опять пирожки? Да ты и так насовала в мешок всякой всячины по самую завязку. Не возьму, хватит.

— Как же это вы не возьмете, Степан Матвейч? Груша побойтесь. Парни в такой работе...

— Застынут твои пироги, пока я доведу, пойми. Духовки со мной нет.

— А вы их за пазуху суньте, под полушубок, — посоветовала Груша и взялась рукой за стремя.

— За пазуху? А если в масле они? — заколебался Степан, хорошо зная, что повариха не отстанет, и пирожки все равно придется взять.

Когда вопрос касался пищи, убедить Грушу было очень трудно. Она любила поварское дело и испытыва-

ла законную гордость, если людям приходилось по вкусу приготовленные ею блюда.

В этот день она все утро провозилась у печки, припасая пастухам продукты. Степан качал головой, глядя, как Груша заталкивает в мешок бесчисленные свертки и узлы.

— Да ты куда нагружаешь? — не вытерпел он, — наготовила на целую роту.

— Пусть кушают на здоровье, — спокойно ответила Груша.

И сейчас, заметив, что Островной готов согласиться, она решительно сунула узелок ему в руки и отбежала в сторону. Степан глянул на нее и тяжело вздохнул: на пирожки положил за пазуху.

Груша, довольная, улыбнулась:

— Всего хорошего, вам, Степан Матвевич, счастливый путь!

— Привет ребятам передайте! — крикнула Лена.

— Трогай, — сказал Платоныч.

Степан отъехал. Алексей, шагая у стремени, провозил его до угла базы.

— Ну, Алеша, — Степан протянул руку, — остаешься тут за меня, будь хозяином, командуй. Что к чему — сам знаешь. А я завтра часикам к двенадцати постараюсь обернуться.

— Все будет в порядке, не беспокойся, — ответил Алексей, и хлопнул жеребца по крупу рукавицей.

Алмаз взял с места в галоп, красиво изогнув шею и далеко выбрасывая передние ноги. Неопытный седок на нем, пожалуй, не усидел бы. Но Степан держался в седле, как влитой. Он скакал слегка склонившись по-казахски набок и изредка подымал плетку. Но Алмаз и без этого несся все стремительнее.

Алексей, втайне завидуя всаднику и любуясь, смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом дороги, потом повернулся и пошел назад к ферме. И более родной показалась ему ферма, над жилой усадьбой которой подымался тонкий домашний дымок.

II

После обеда Алексей, вооружившись пешней и лопатой, отправился на озеро. Часа три долбил и чистил про-

руби, из снежных кирпичей сложил вокруг них стенку для защиты от ветра. Со скотом управлялся он уже в сумерках: настелил в стойлах свежей соломы, подгреб и вывез со двора накопившийся за день навоз.

Погода к вечеру совсем испортилась. Ветер разметывал сено, вихрем кружил снег, жесткий и сыпучий, как песок. Степь быстро темнела и тонула в сумерках. А во дворе было тихо, тепло и совсем не чувствовалась начинающаяся метель. Здесь, казалось, был другой мир, уютный, привычный, со смешанными запахами сена, навоза и керосина. Платоныч, постукивая деревяжкой, ходил от столба к столбу, развешивал зажженные фонари «Летучая мышь» с ярко начищенными стеклами.

Алексей выпряг и отпустил быков, откатил в сторону порожние сани и пошел давать корм скоту. Эту работу он больше всего любил. Ему нравилось возиться с сеном: шорохом и ароматом оно напоминало лето, покос: был конец июля, травы кругом выкосились и уже слегка побурели, а в долине трава зеленая, как весной, и в ней пряталось множество разноцветных колокольчиков. Лена тогда держала громадный букет этих цветов в кружке с водой на столе в палатке косарей. Алексею очень нравился слабый медовый запах скромных колокольчиков, и было жалко, когда они засохли, а Лена выбросила их. Он все собирался попросить ее, чтобы она набрала другой букет и даже с этой целью оставил невыкошенным один уголок долины, где цветов было особенно много, но так и не решился этого сделать. К тому же Степан обнаружил вскоре оставленный участок и выкосил его.

Алексей растроганно улыбнулся, поддав тяжелый навильник, положил сено в ясли. Кто-то осторожно, но настойчиво подтолкнул его в бок. Он протянул руку и в полумраке нащупал курчавый лоб с коротенькими крепкими рожками. Это был бычок по прозвищу Герой, баловник и забияка. Днем, когда скот выпускали в денник, он шалил, как ребенок: лез к взрослым быкам бодаться, дрался со своими сверстниками и с молодыми баранами, от которых нередко ему доставалось. Он мог наравне с ними перемахнуть через изгородь сеновала или по сугробам забраться на поветь, где был сложен клевер.

К людям Герой относился доверчиво. Но больше всего был привязан к Лене. Ей он был обязан спасением своей жизни. Матерью Героя была корова — первотелок с диким, неукротимым нравом. Она никого не подпускала к себе и отелилась, отбившись от стада, во время водопоя. Искали ее весь день, и только уже поздно вечером Лена нашла ее в лесу за колхозными капустниками. Девушка пришла в правление колхоза, где было партийное собрание, неся на руках малюсенького, трясущегося от холода теленочка с широким лбом в заиндевевших кудряшках.

Теленок лежал возле печки, накрытый чьей-то телогрейкой, безжизненно вытянув между ног светлую мордочку, а Лена, счастливая, измученная, стояла возле него на коленях, и заправляя под платок рассыпающиеся мокрые волосы, рассказывала, как убегала по сугробам от рассвирепевшей коровы. Все думали, что теленок перемерз и не выживет, а он отлежался в тепле, поднялся на тонкие неустойчивые ножки и вдруг побежал по комнате, падая и снова подымаясь. Герой! — восхищенно сказал председатель колхоза Кузьма Иванович Линёв, придерживая на всякий случай скатерть на своем столе. Так и пошло: «Герой» и «Герой».

...Бычок просовывал рога между стоек загородки, норовя поддеть ими Алексея. Тот легонько шлепнул его по морде рукавицей и направился к сеновалу. Он только сейчас вспомнил, что утром обещал Лене достать для телят клевера. Поэтому, управившись со скотом, он схватил вилы и поспешил на поветь.

Лена была там. Она теребила железным крючком сено с подветренной стороны омета. Алексей незаметно подошел к ней сзади и обнял за плечи. Девушка охнула от неожиданности.

— Попалась, ты чего тут делаешь? — рассмеялся Алексей.

— То, что ты обещал и не сделал, — недовольно сказала Лена, поправляя съехавшую на глаза шаль. Она бросила крючок под ноги, сквозь варежки стала дуть на руки.

— Хородно? — спросил Алексей с участием, — давай я помогу.

Он поднял крючок и с силой вонзил в омет. Но через минуту возвратил его Лене.

— Забирай свой инструмент. Не годится.

Вилами уперся в нависающий карнизом край омета и обрушил его вниз вместе с кучей снега.

— Ой, куда ты, хватит! — запротестовала Лена, — достанется нам от Степана Матвеевича: клевер он ведь наказывал беречь.

— Возьмем сегодня побольше, завтра не надо будет лазить, — ответил Алексей.

Вдвоем они отгребли снег и спустили клевер во двор, через круглую дыру в повети.

— Устала, — призналась Лена, вытряхивая из варежек снег. — Передохнем немного?

Она отошла к омету, прижалась к нему спиной. Алексей подобрал остатки сена, придавил вилами, чтобы не разнесло ветром, и тоже стал возле нее.

Тут, хотя и меньше, но все равно дуло, снежная крупа сыпалась на голову. Сгущались сумерки. Алексей, как ни напрягал зрение, дальше, чем до края повети с выступающими из-под снега концами жердей, ничего не видел. Вокруг кружился, посвистывал и завывал на разные голоса ветер.

Лена молчала, уткнувшись подбородком в воротник шубы. Выражения ее лица Алексей не мог разглядеть. Поблескивали одни глаза под низко опущенной на лоб шалью. О чем она думает?

Алексей стащил рукавицу с руки и выдернул из омета шершавую головку полевого репья. Стал катать ее в пальцах.

Ему хотелось начать с Леной разговор, к которому он был давно готов и который все как-то не выходил.

— Ты чего колдуешь? — спросила Лена.

— Вспомнил детство, — Алексей улыбнулся и бросил по ветру головку репья. — Мальчишками мы искали в сене сухие ягоды. Попадались иногда целые ветки. Отец привезет сено, а мы его все перевероршим. Ты что задумалась? Может, вспомнила кого? — спросил ревниво он, видя, что девушка не слушает его и озабоченно хмурит брови.

— Нет, Алеша, ведь я все о своем, — вздохнула Лена, — Жданка у меня из головы не идет. Боюсь я, Леша, а вдруг и в самом деле не сможет она отелиться? Что тогда делать? Да Кузьма Иванович после этого меня со свету сживет. Скажет: не послушалась, по-своему

сделала. Я уж теперь думаю, может, он и прав был, не разрешая мне угонять Жданку сюда, на ферму. Телить ей нельзя, а я доказывала, что она отелится. Как по-твоему, правильно я поступила? — Лена действительно подумывала о превращении Жданки в рекордистку, но сейчас завела разговор, о ней и для того, чтобы отделить объяснение с Алексеем, к которому ее тянуло все больше и больше.

— По-моему, если человек верит в то, что делает, у него обязательно получится. Ты советовалась с кем-нибудь? С ветврачом?

— Вера Николаевна Пешкова ее смотрела. Она велела установить хороший уход, кормить лучше... Хочется мне Жданку выводить, понимаешь. Говорят, она принесла двенадцать телят и среди них ни одной телочки. А вдруг мне повезет... Я бы приложила все силы, чтобы не пропало жданкино потомство. Жданка — хорошей породы, только за ней не следили... Может быть, от нее еще рекордсменка будет. Такая, чтобы все смотрели и удивлялись: надой в год литров этак тысяч десять или пятнадцать. Видишь, какие у меня мысли.

— В Москву хочешь, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку?

— Очень. Уж так хочу, так хочу... И о медали мечтаю. Ведь можно же этого добиться, скажи? Мария Прядко из колхоза «Луч» была ведь? И вместе со своей коровой. Вся Москва на нее смотрела, весь Советский Союз. Говорят, даже академики расспрашивали ее и записывали в блокноты...

— Откуда она знает, что это академики. Может, просто экскурсанты.

— Ну, пусть. Это неважно. Главное, она своего добилась. Вот и я мечтаю. А ты не думаешь, у тебя не бывает таких мыслей?

— Почему же? И я... — Алексей смутился. — Я тоже думаю, Только мне большего хочется. Как бы это тебе сказать? Чтобы не одна корова выделялась, а все... Вообще поднять животноводство в колхозе.

— Так у нас одинаковы мысли, Леша. Давай вместе будем бороться за это? Я тебе буду помогать, а ты мне.

— Давай! — Алексей протянул ей руку.

— А теперь, пошли. Что это мы место такое выбрали для разговоров. Язык отмерзнет.

Они подошли к дыре, через которую сбрасывали сено. Алексей спустил туда сначала вилы, а затем прыгнул сам. Упал на сено, но быстро вскочил и крикнул наверх:

— Смелее, Лена! — И тотчас бережно подхватил девушку. На одно мгновение ее лицо оказалось рядом с ним, он ощутил у себя на губах прикосновение ее бархатной, прохладной щеки. Он вздрогнул и прижал ее крепче.

— Лена,— сказал Алексей таким тихим шопотом, что сам не расслышал,— Леночка...

Лена отвела назад голову и, стараясь высвободиться из его рук, сказала вполголоса, требовательно:

— Пусти, Леша, не надо.

III

На ферме как-то повелось садиться за стол всем вместе. Поэтому и в этот вечер, хотя время было уже и не раннее, еще не ужинали. Груша, следившая за расписанием дня ревнивей других, спокойно постукивала кастрюлями возле плиты.

Поджидали Лену, задержавшуюся на дворе.

Алексей в гимнастерке без ремня, с расстегнутым воротом, читал за столом газету «Сельское хозяйство» и, сосредоточенно наморщив лоб, грыз кончик карандаша.

Платоныч, на лавке у порога подшивал валенок. Ссутулив широкие плечи, щурясь от дыма папиросы, колот шилом войлочную подметку. Его толстые, пожелтевшие от табака и на первый взгляд нерасторопные пальцы, ни на минуту не могли оставаться без дела. Платоныч в любое время обязательно что-нибудь делал: пилил, строгал, ремонтировал. Он чинил сбрую, вытесывал копылья для саней, по просьбе и без просьбы починал живущим на ферме обувь и рукавицы. Ночами дежурил возле скота, а днем спал урывками, как придется, и тем не менее всегда выглядел бодрым, везде поспевал и обо всем знал.

Платоныч любил в свободное время поговорить, высказывать свое суждение по тому или иному вопросу. Молчание Алексея и Груши, занятых своими делами, тяготило его. Однако он долго крепился, молча тянул скрипучую дратку. В конце-концов не выдержал:

— Что читаешь, Михайлыч? — спросил он, с любопытством поглядывая на Алексея из-под густых бровей.

Алексей дочитал статью, осторожно подчеркнул последние строчки и отложил газету. В волнении провел ладонью по белесым, взъерошенным волосам, и пересел к Платонычу на лавку.

— Угости, дядя Яша, из своего кисета. У тебя крепче. С мыслями соберусь.

— Моим табачком только с похмелья пользоваться: за зиму выморился на чердаке, не знаешь с какой стороны подступиться.— Платоныч отложил валенок, полез в карман за кисетом.

Алексей оторвал полоску газеты, свернул папироску; заклеивая ее, спросил:

— Дядя Яша, на месте Фролова лога — это что — пруд когда-то был?

— Давно. Мельницы там стояли купца Фролова. Я еще помню, лет десяти был, с отцом ездили туда молоть. Две мельницы были, на четыре постава каждая.

— А потом что?

— Сгорели в шестнадцатом году. Сказывали сам, Фролов их поджег, чтобы страховку получить. Работать-то они уже не работали в ту пору; воды стало не хватать. Обмелела речка. Да ты, что Фроловым логом заинтересовался?

— Мысль мне одна пришла в голову. Да не знаю еще во что она выльется,— Алексей в затруднении наморщил лоб.— Сколько в прошлом году сена собрали в логу, не помните?

— Кажись, стогов пятнадцать поставили.

— И сено хорошее?

— Куда лучше: визиль да клевер.

— Пятнадцать стогов,— повторил Алексей.— А ведь можно поставить и тридцать.

— Это как же? — Платоныч заинтересовался, даже перестал раскуривать цыгарку.

— Очень просто: задержать весеннюю воду, сделать Фролов лог заливным лугом.

— Стало быть плотину насыпать? Трудное дело. Не согласится на это председатель.

— Согласится, обязательно должен согласиться. Тут же никаких затрат и даже людей дополнительно не

нужно. Мы бы сами это сделали до весны, своими силами.

— Трудно,— Платоныч с сомнением поглядел на парня.— Лес нужен, Алеша, да и земли потребуется порядочно. Старую-то плотину, считай, всю размыло.

— Не нужен нам ни лес, ни земля. Запруду мы сделаем временную, изо льда. Можно водой заливать камыш. Еще какая плотина получится. Недели две—три продержит воду и достаточно. Так называемое лиманное орошение. А что значит недалеко от фермы лишних пятнадцать стогов хорошего сена? Это же плюс.

— Мысль твоя правильная, пожалуй. Это ты верно сказал,— согласился Платоныч.

— Приедет Степан, с ним еще посоветуюсь. Он подержит,— убежденно сказал Алексей.

Из-за перегородки показалась Груша, красная от жары, с шипящей сковородкой в руке, и ожесточенно замаяла тряпкой, разгоняя сизый табачный дым, облаком плавающий по избе.

— Начадили трубокуры — не продохнешь. Как только дымище этот в горло вам лезет. Сходили бы лучше Леночку позвали ужинать.

В это время вошла Лена. Она с силой захлопнула за собой дверь и остановилась у порога, горюливо размаывая шаль.

— Ждете меня? А я с телятами возилась. Окно они разбили. Дядя Яша, вы посмотрите, что там можно сделать. Я пока заложила фанерой, да, наверное, не удержится.

— Исправим окошко. Невелика беда. Стекло у меня есть. Держи-ка вот,— Платоныч протянул ей подшитый валенок.

— Уже готово? Ну и дядя Яша! Спасибо. Груша, возвращаю твои скороходы.

Девушка стащила с ноги большой непарный валенок, надела свой и прошла за перегородку где они жили с Грушей. Оттуда донесся ее голос:

...Горят костры влекие,
Луна в реке купается...

Алексей стал пододвигать табуретки к столу. Платоныч, покашливая, мыл над тазом руки. За окном завыв-

вала метель. Где-то на внешней раме отклеилась бумажка и надоедливо жужжала на ветру.

Лена успела переодеться в простенькое синее платье с маленькими карманчиками на груди. Волосы у ней были зачесаны назад, но несколько непокорных пушистых прядей упрямо торчали по сторонам. Щеки горели от холода широким густым румянцем.

Она подала Платонычу полотенце, села к столу, бережно оправив платье.

— Сознавайтесь, товарищи, чем вы тут без меня занимались?

— Известное у них дело, курят все,—сказала Груша, поставив на стол тарелку с нарезанным хлебом.

— Пробу снимали с нового сорта самосада,—подтвердил, улыбаясь, Алексей.

— Да ну вас. Вы, небось, про табак для отвода глаз говорите, а сами, наверно, книгу читали...— Лена вскочила, принесла роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам», который в течение вот уже нескольких вечеров на ферме попеременно вслух читала то она, то Алексей.

— Нет, оказывается, не читали,—удовлетворенно и немного виновато сказала она, отыскав заложенную накануне страницу,— а я уж хотела с вами ссориться. Груша, чем будешь угощать нас сегодня?

— Это мой секрет, Леночка.

Повариха ловко опустила на середину стола большую эмалированную миску, накрытую сверху тарелкой и с торжеством открыла ее.

— Вареники? — обрадовалась Лена и даже, как маленькая захлопала в ладоши,— с творогом?

— С чем же, кроме творога? Я знаю, что вы другую начинку есть не станете.

— Придется, Груша, за твое мастерство в кулинарном деле присвоить тебе звание шеф-повара,—сказал Алексей.

— Вы сперва покушайте, может, еще и не понравится.

— Сейчас посмотрим.

Алексей поддел вареник вилкой, обмакнул в сметану и с удовольствием отправил его в рот.

— Не еда — чудо.

— И хорошо, ешьте на здоровье,— улыбнулась Груша довольная тем, что ужин пришелся всем по вкусу.

Она засуетилась, подставляя тарелки и подкладывая вареники то одному, то другому. Сама почти не ела. Одну минуту побыла за столом, взяла вареник и убежала к плите готовить чай: поставила на стол самовар, стаканы, принесла сахар и вдруг озабоченно вздохнула:

— Что-то теперь наши там на холоде поделывают, Степан Матвеевич с ребятами? Живы здоровы ли?

Ей никто не ответил. Лена поглядела в конец стола, где обычно спиной к окну сиделся Степан Островной. Платоныч для чего-то перелил чай из блюдца в стакан и принялся шумно дуть на него.

Конец ужина прошел в молчании. Лена первая встала из-за стола и отошла к окну, глядя на улицу через затянутые инеем темные стекла. Груша с виноватым видом убирала посуду.

Алексей, чтобы развеять тягостное молчание, взялся за книгу. К нему, развертывая кисет, придвинулся Платоныч. Но и чтение в этот раз, проходило с меньшим оживлением и интересом, чем всегда. Платоныч, выражавший обычно вслух свое отношение к героям, слушал молча. Только хмурился и особенно густо дымил цыгаркой. Лена рассеянно царапала ногтем замерзшее стекло.

Вскоре, сославшись на необходимость посмотреть, что делается на дворе, Платоныч оделся и ушел. Алексей после этого еще почитал минут десять и тоже смолк. Сел к радиоприемнику.

Слабый интерес к книге не удивил его и не обидел. Он и сам начинал тревожиться за товарищей, хотя и не подавал виду. Главное, чтобы Степан успел миновать до ночи то место, где дорога проходила по дну узкого глубокого оврага у горы Култай. Если туда наметет снегу, просхать к урочищу будет невозможно. Придется возвращаться. А как схать ночью в такую метель? Что станет делать Байдала с лошадьми, если погода затянется на несколько дней? В урочище был запас сена, но успел ли он пригнать туда свой косяк. Вопросы, один беспокойнее другого, вставали перед Алексеем.

Приемник никак не мог поймать волну, трещал, гудел, попискивал. На миг прорвался сквозь шум отчетливый голос далекого диктора и снова все потонуло в сплошном треске.

«Пляшет эфир», — подумал Алексей, покручивая руч-

ку настройки. Убедившись в невозможности поймать какую-либо станцию, он выключил приемник, оделся и пошел проверить антенну.

Бушевала метель. Забор весь вздрагивал под ударами ветра, ворота трещали, словно в них ломились. Фонари на столбах чуть покачивались и вместе с ними по двору медленно двигались огромные, расплывчатые тени от их решеток. Снег каким-то образом успел просочиться во двор. В пахнущем керосином воздухе серебрилась мелкая холодная пыль.

Оказывается антенну оборвало ветром. Алексей вытянул обрывок проволоки и принялся сматывать ее в клубок, чтобы навесить другую проволоку. Приемник должен заговорить сегодня же.

IV

«...Рост и развитие животных,— читала про себя Лена,— зависит от содержания в кормах витаминов. Недостаток витаминов может привести к серьезным заболеваниям».

Лена обвела пером слово «витаминов», отодвинула от себя учебник и прислушалась. Ей почудилось, что за стенкой кто-то прошел и легонько стукнул в окно. Насторожившись, она подождала с минуту — не повторится ли этот звук, но ни стука, ни шагов больше не было слышно. Только снег шуршал по стеклам окна. «Сплю», — подумала Лена, устало потирая пальцами виски. Она встала, зябко поежилась, накинула на себя платок и пошла узнать время.

В большой передней избе посередине обеденного стола догорала лампа. Стекло с одной стороны закоптилось до черноты, пахло керосиновой гарью. В тишине звонко постукивали ходики.

Алексей спал, не раздеваясь. Одну руку он держал под головой, а другая, полусжатая в кулак, свисала с кровати. Он, казалось, и во сне о чем-то напряженно думал. Лоб, с рассыпавшимися по нему, светлыми, почти белыми волосами, был озабоченно наморщен. Губы едва заметно шевелились.

Лена взглянула на часы прикрутила лампу и, осторожно ступая вернулась, к себе. Там она вытащила из-под

подушки общую тетрадь, с обвернутыми газетой корками, села за стол и стала старательно в нее записывать: «Читала о кормлении животных. Стельные коровы нуждаются в сытной пище богатой витаминами. С завтрашнего дня изменяю рацион для «Жданки». В первую очередь буду давать ей побольше зеленого сена, в котором содержится витамин «А».

Лена остановилась, перечитала написанное и перевернула страницу. «На ферме у нас особых перемен нет,— продолжала она писать быстрее,— хозяйничаем одни. Степан Матвеевич уехал к Байдале на тебеневку — не знаем добрался туда или нет. Погода плохая, сильно метет. Вечером в разговоре с Лешей у меня как-то вырвались слова о новой породе коров. Я все думала об этом. И правда, какое счастье сделать что-нибудь такое, отчего и другим была бы польза».

— С кем это ты, девонька, шепчешься?

Лена прикрыла ладонью тетрадку, оглянулась.

Груша, приподнявшись на локте, с интересом следила за ней с кровати.

— Чего делаешь, спрашиваю, полуношница?

— Пишу. А ты разве не спишь?

— Спала. Да ты разбудила. Бормочешь под нос, как лунатик.

— Прости Груша, я совсем забылась, я больше не буду,— виновато сказала Лена.

— Спать ложись. Утро скоро. Лампа, смотри, у тебя погаснет.

— Успею еще выспаться, ночь долгая...

— И то верно. Сколько ни спи, все спать хочется. Я на себя удивляюсь,— дела не делаю, а сплю, как после молотбы. Моложе была, спала меньше.

— В старухи записываешься?

— Не старуха, Леночка, а все-таки... Поясница, вот, на непогоду болит...

— Ты за Степана Матвеича беспокоишься,— пряча тетрадь под подушку, сказала Лена.

Груша скрипнула кроватью, выпростала из-под одеяла руки и закинула их за голову.

— В такой буран не приведись никому остаться в степи,— сказала она со вздохом.— Степан Матвеич даже телогрейку не надел под полушубок. Отправился,

как на прогулку. И я будто без ума была, не присоветовала...

— Груша, я давно хочу тебя спросить,— прервала ее Лена, осторожно подсаживаясь к ней на краешек кровати,— скажи правду — тебе нравится Степан Матвееч?

— Тише, ради бога! — повариха испуганно схватила Лену за руку. — Что ты говоришь, дурная?

— Не отказывайся, я же ведь все вижу, как ты переживаешь, как относишься к нему...

— Видишь? Неужели это заметно?

— Да,— сказала Лена тихо,— я замечаю.

— Ой, да что же это? — вздохнула Груша и закрыла глаза ладонью. Но оставалась она в этом положении недолго. Вдруг она улыбнулась незнакомой для Лены улыбкой, которая в один миг изменила ее широкое, веснушчатое лицо. Оно словно осветилось изнутри мягким светом, сделалось миловиднее, моложе.

Груша спустила ноги с кровати, придвинулась к подруге и, волнуясь, зашептала ей:

— Не только нравится, но и люблю, Леночка, давно люблю, одной тебе сознаюсь. На всю жизнь вошел мне в сердце Степан Матвееч. Сама понимаю, что не к чему это и бросить бы надо все, не девчонка ведь я. У него своя семья, дети взрослые, а все равно не могу от него откачнуться. Словно кто приковал меня к нему вечной цепью. На фронте он был, сколько я передумала, переболела за него. Соня, его жена — мы подружки с ней — придет ко мне, плачет — писем нет. Я уговариваю ее, подбадриваю, как могу, а у самой на душе камень. Ждала его, как будто он мой был, а он и до сих пор ничего про мои думы не знает.

— Неужели ты никогда не говорила, что любишь его? — спросила Лена, нахмурившись и закусив губы.

Повариха отрицательно покачала головой.

— Не было промеж нас особых разговоров. Хочешь веришь, хочешь нет. Зачем? У Степана Матвееча свое счастье. Соней он дорожит пуще жизни. Она у него хорошая. И вдруг, я под старость полезу к ним в семью...

— А раньше? Как ты раньше терпела?

— В молодости я у них за почтальона была,— как бы не расслышав вопроса, продолжала Груша с грустной задумчивостью.— Доверялись они мне. Напишет Степан Матвееч записку или так скажет: Груня, он ме-

ня Груней называл, сбегай к Соне, передай ей, пусть она вечером на озере придет. Я буду ждать ее у Комаровского камня. И я бегу, дурочка. У самой ноги подкашиваются. Пока дойду, наревусь досыта. А увижу Соню, виду не показываю, передаю все, как было велено. Что же, думая, стало быть, не судьба, подожду своего суженого-ряженого. И ждала. Кто сватал — тому отказала, да так и осталась старой девой. Видела, Леночка, таких дур? — усмехнулась она и кончиком одеяла смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы.

— Нет, Груша, ты хорошая, — Лена порывисто обняла подругу, прижалась щекой к ее голому прохладному плечу. — Про такую любовь, как у тебя, книгу надо написать. Я бы обязательно написала, если бы умела. Читали бы люди и, знаешь, как бы уважали тебя?

— Да что ты, Леночка. Интересно ли кому знать про мою любовь. Мало ли у кого как жизнь повернется.

— У тебя настоящая любовь, Груша, крепкая, навсегда. Так долго любить человека без ответа... Как ты только могла?

— Ну тебя, — отмахнулась Груша, — сказала ей на свою голову. Никого я не люблю, отстань... Да, смотри, подружкам своим не вздумай передать наш разговор.

— Я никому не скажу. Но жить без счастья?.. Мне непонятно.

— Тяжело мне было, Леночка, пока я детей себе не взяла. С ними я как на свет народилась. Ты вот послушай, — Груша оживилась, — что они мне пишут из дому. Васятка нацарапал на трех листах. Уж о чем только, он ни рассказывает. И о школе, и о лыжах, и как котенок опрокинул у бабки кринку с молоком. Интересно для него. Он у меня отличник, во второй класс ходит. Сюда просится. Приеду, говорит, обязательно, а если дядя Кузьма не возьмет, спрячусь у него в кошке под беседку. Маша — та молчаливая, меньше пишет. Домой меня зовет, соскучилась.

Груша дотянулась до висевшей над кроватью телогрейки, вытащила из кармана небольшой конверт, свернутый угольником. Расправляя на подушке исписанные крупными буквами тетрадные листки, принялась оживленно рассказывать.

— Сынок-то мой, слышь, что делает? В школе тише воды, ниже травы, а домой придет распоряжается, чувст-

вует себя хозяином. Бабку замучил. Посадит возле себя, рассказывает, что в книжках вычитал, и чтобы она обязательно слушала. Сердится, если она не сидит с ним. «Ты, говорит, бабушка недисциплинированная, надо тебе двойку поставить за поведение».

Груша хорошо помнила тот день, когда она взяла себе приёмных детей. Это было в начале 1949 года.

В детский дом, расположенный в соседнем селе, привезли группу детей-сирот дошкольного возраста. Груша, едва лишь прослышала об этом, сразу собралась туда. Рано утром зашла к Маркеловым и не говоря еще ни о чем, попросила Лену поехать с ней. Лена согласилась.

С Грушей она дружила, хотя и была на целых пять лет моложе ее. Обе работали на колхозной ферме, случалось, ездили вместе за дровами и за кормом. Лена жила вдвоем с матерью, и вся работа по дому лежала на ней. Груша нравилась ей своим уравновешенным характером, склонностью к серьезным душевным разговорам. С ней было не скучно.

В детском доме подруги пробыли чуть не весь день. Долго оформляли документы на право взять оттуда детей, покупали игрушки. Груша выбрала себе мальчика и девочку, очень худеньких и молчаливых, видимо, не успевших еще позабыть потерю родных. Девочке было года четыре. Беленькие, гладкие волоски и бледное, узенькое личико, делали ее похожей на взрослую. Большие, васильковой синевы глазки, смотрели задумчиво.

Она равнодушно отнеслась к расспросам деревенской тётеньки, равнодушно назвала свое имя «Маша»— когда воспитательница сказала ей, что она пойдет и будет жить у этой тети и что эта тетя будет ее мамой, ничего не возразила и молча стала одеваться.

Мальчик был совсем маленький, даже говорить не умел и очень плохо держался на тоненьких косопалых ножках. Заведующая детдомом, молодая женщина с усталым красивым лицом и седой прядью в волосах, узнав о том, что Груша берет мальчика, сначала не хотела его отдавать.

— Мальчик очень слаб,— говорила она, медля подписывать документы,— он недавно перенес грипп в тяжелой форме. За ним нужен присмотр врача и внимательный уход.

— Я выхожу,— тихо сказала Груша,— душу свою вложу. Вы не думайте.

До самого дома Груша сидела в санях молчаливая и вся какая-то сосредоточенная и только без конца правляя тулуп, в который были завернуты ребятишки. Когда за прозрачной березовой рощицей завиднелась родная деревня, она повернулась к Лене и прерывающимся голосом сказала, очевидно, то, о чем думала всю дорогу:

— Вот и я теперь мать!

Груша с величайшей заботой и любовью ухаживала за детьми. Мальчик поправился за несколько недель. Груша повеселела, работала с еще большим воодушевлением и готова была часами рассказывать о своих питомцах.

— Соскучилась. Отпрошусь, как Степан Матвееч вернется, съезжу домой на недельку. За меня ты, Леночка, покухарничаешь,— говорила она, бережно свертывая письмо.

Спать она больше не ложилась. Встала, застелила одеялом кровать.

— Прогнала ты мои сны,— с шутливым укором сказала она Лене.— Пойду плиту подтоплю. Платоныч скоро зайдет, чайку горяченького попросит. А ты спи, кого караулишь? Днем еще намотаешься.

Лена послушалась. Быстро разделась и юркнула под одеяло. Отвернувшись к стене и закрыв глаза, долго вспоминала разговор с Грушей. Потом, в который уже раз, представила, как стояли с Алексеем под ометом, как прыгали с повети на сено. Перед глазами всплывал тихий сумрак двора, наполненный слабым медовым запахом сухого клевера, сильные руки Алексея, сдавившие плечи, близкое его дыхание... «Настоящая любовь приходит один раз...» Лена улыбнулась, хотела вспомнить откуда эти слова и так и не вспомнив, погрузилась в дремоту.

V

Алексей спал крепко. Снилось ему учебная атака какой-то высоты, посреди широкого солнечного поля... Вокруг, шурша сапогами по зеленой траве, бегут солдаты — его товарищи. Командир роты — лейтенант Тро-

шин,—оборачиваясь, машет ему рукой, требует, чтобы он не отставал. А он силится встать, побежать следом за ним и никак не может поднять голову от нагретой солнцем земли... Голова такая тяжелая. Одна рука у него сделалась слабой, как тряпичная. Он хочет опереться на нее — рука подламывается, не слушается его.

«Все равно надо встать,—говорит он себе,—идти вперед. Какой же я после этого отличник боевой подготовки».

Издали доносится до него чей-то голос.

— Расходился буран, свету белого не видно.

«Причем тут буран? Сейчас же лето»,—недоуменно подумал Алексей, оторвавшись от подушки и все еще находясь во власти сна.

— На открытом месте стоим, оттого и страдаем от каждого ветра,—говорит другой знакомый голос. — Не послушался Кузьма Иваныч людей, когда эту ферму строили. Уперся. Лучше, как возле горы Култай для отгонного скота места нет. Озеро рядом, покосы кругом.

— Надо было, лучше, на Чебачьем поставить ферму,—согласился первый голос.— Там с трех сторон лес. Правда, покос хуже.

— Мало там трав? При желаньи — накосили бы. Зато скоту — покой, красота.

«Да ведь это же Платоныч и Груша разговаривают»,—понял, наконец, Алексей, и, повернувшись на бок, стал протирать глаза.

В окно, как через поставленную ребром льдину, слабо сочился зеленоватый свет раннего утра. Попрежнему бушевал за стеной ветер. Потрескивая, топилась плита.

Платоныч, без шапки, но в полущубке, сидел за столом, крепко обхватив широкими ладонями кружку с дымящимся чаем.

Пил он медленно, с паузами, после каждого глотка крякал и шевелил усами от удовольствия.

Груша на лавке чистила картошку и бросала ее в эмалированный таз с водой.

Алексей быстро вскочил с кровати, помахал затекшей рукой, весело поздоровался:

— Доброе утро!

— Здравствуй,—ответила Груша, бросая очищенную картофелину в воду и принимаясь за другую,—чего прыгаешь, как заяц?

— Что ему? Молодой, кровь играет,— улыбнулся Платоныч в усы и предложил:— Садись, Алеша, чаем побаловаться за компанию.

— Спасибо, дядя Яша. Какие новости?

— Новость одна; лопаты в руки, да за работу.

— Занесло?

— И еще как. Ворота не открываются.

— Так я и думал. Но ничего, это не страшно.

Алексей молча натянул валенки, провел пятерней по волосам снизу вверх и пошел умываться. Долго тёр жестким полотенцем разгоряченное холодной водой лицо.

Груша принесла и поставила на стол вторую кружку.

— Тебе, Алексей Михайлович, по твоему вкусу — без заварки. Выпей. Завтрак у меня не готов.

— Меня кормить и не за что, пока не заработал. Лена что делает?

— Спит, вчера поздно легла. Я уж ее не беспокою.

— В тридцать восьмом году этак-то вот два месяца метели бушевали. Февраль и март. Снегу по степям лежало — с дороги не съедешь. Но и урожай был, какой редко бывает,— сказал Платоныч.

— Надоели бураны и нынче, будь они неладные,— проворчали повариха,— печка вон из-за них не топится.

— Буран, брат, такое дело, разрешения не спрашивает. Да еще и проверит, кто хороший хозяин, а кто плохой. Во-время кормом не запасся — сиди, почесывай затылок.

— Такая участь и нас может постигнуть. Сена во дворе у нас дня на два, не больше,— заметил Алексей.

— Наше дело полегче, за сто сажень мы как-нибудь и по бурану подвезем. Трудно, когда сенцо в степи, да верст за десяток.— Ну, хозяйка, спасибо за угощение. Согрелся. Теперь и покурить не грех.— Платоныч отодвинул кружку, полез за кисетом.

Пока он свертывал цыгарку и раскуривал ее у плиты, Алексей успел допить чай и одеться.

Вместе они вышли во двор.

Ворота на самом деле привалило крепко. Алексей попробовал поднажать на них и отступил.

— Держит,— сказал он, ощупывая плечо.

Стали открывать ворота вдвоем.

— Не идет, брось Алеша,— после нескольких усилий

сдался сторож.— Мастера бы сейчас того, который придумал ворота снаружи подвешивать, показать ему, чорту, его работу... Нет чтобы как следует дело сделать, гьфу!— Платоныч сердито сплюнул.

— Не огорчайся, дядя Яша, возьмем крепость с другой стороны. Алексей принес лестницу, приставил к дыре, через которую спускали с повети клевер и выбрался наверх.

Ветром его чуть не сбило с ног. Алексей подхватил лопату, отбежал к омету. В затишке он перевел дыхание, глубже надвинул шапку на голову и пошел дальше. В сплошном снежном водовороте ничего не было видно. Алексей почти наощупь добрался до края повети и спрыгнул вниз.

Снегу за воротами оказалось больше, чем он предполагал. Целая снежная гора острым своим козырьком, загнутым, как гребень волны, вздымалась вровень с воротами. По ней, как по трамплину, взлетала высоко вверх сыпучая позёмка. Сугроб курился словно вершина вулкана.

«Поработала метель на совесть»,— подумал Алексей, оглядывая сугроб и решая как лучше взяться за дело.

Он взобрался на его вершину, встал спиной к ветру и с силой вонзил лопату в снег. Копать было неудобно. Снежной пылью забивало глаза. Алексей задыхался и через полчаса устал и вспотел, как загнанная лошадь.

Он вырубал из снега большие кубы, подхватывал их руками и отбрасывал в сторону. Вскоре перед воротами образовалась широкая выемка. Алексей постепенно спускался в нее, сначала по пояс, потом погрузился с головой.

Работать стало легче. Ветер уже не мешал.

Алексей передохнул, сбросил полушубок и рукавицы и оставшись в одной гимнастерке, продолжал упорно разрывать сугроб. Скоро лопата глухо стукнулась о землю. Алексей подчистил и отгреб остатки снега, кулаком забарабанил в ворота:

— Поднажми, дядя Яша!

— Жмем!— донесся оттуда звонкий голос Лены. Ворота приоткрылись. Ветер дернул и распахнул настежь одну половинку. Снежный вихрь ворвался во двор, заметался между столбов.

— Закрывай!— скомандовал Платоныч.

— Все, все. Подождешь и на улице, не очень дорогой ты гость, Метель Буранович — приговаривал Платоныч, обращаясь к стихии и поспешно задвигая засов.

Алексей и Лена сели на сложенные у забора бревна.

Лена оживленно рассказала:

— Мы к тебе на помощь собирались, да на поветь не залезли. Приставляли, приставляли лестницу, ничего не вышло. Я полезла да и упала. Оденься, простудишься,— требовательно заметила она вдруг...

Алексей накинул на себя полушубок, достал табак. Руки у него от усталости дрожали, два раза отрывал он бумагу на папиросу и оба раза неудачно: то много, то мало.

— Дай-ка, я,— попросила Лена. Она взяла у него газету из рук, вырвала ровную полоску.

— Благодарю,— смущенно кивнул Алексей.

Он закурил и протянул портсигар Платонычу.

— Первый бой мы выдержали. Предстоит самое трудное: поить скот. Как решим, дядя Яша?

— Подождем, может, к обеду стихнет.

Погода к полудню не улучшилась. Выюга гудела над двором.

Скот стоял без воды вторые сутки. Надо было гнать на водопой.

Чувствуя непогоду, животные не хотели покидать теплых стойл. Молодняк, едва открывались ворота, бросился назад. Алексей с трудом собрал телят и выгнал со двора. Лена и Платоныч, вооружившись хворостинами, подстегивали в воротах отстающих.

Скот упирался. Идущие впереди быки крутили мордами, повертывались боком к ветру. Алексей кричал, размахивая кнутом, пытаясь направить их по дороге на озеро.

Прогнать скот до водопоя так и не удалось.

Первыми вышли из подчинения телята. Они с полпути повернули на ферму и увлекли за собой все стадо. Платоныча едва не стоптали в воротах.

Было ясно, что на водопой скот не пойдет. Но Алексей не хотел сдаваться. Он еще раз попытался выгнать его — и снова ничего не получилось.

— Зря мы мучаемся,— сказала Лена, швырнув под ноги обломанную хворостину.

— Замучились,— рассердился Алексей,— а что же теперь делать прикажете? Сесть, сложить руки и ждать у моря погоды?

— Ну и на себе быка тоже не потащишь. Ты же видишь— человеку и то невозможно идти по такому бурану.

— Человек сквозь огонь пройдет, не только через буран,— взглянув на раскрасневшуюся, готовую спорить девушку, спокойнее сказал Алексей.

— Нет, надо что-нибудь придумать другое.

— Что придумаешь?

— Не могли угнать скот на водопой — привезем воду сюда.

— Сюда? Чем? Хотя... верно, пожалуй. Молодец, Леночка. Нелегко, но можно. Ну-ка, мы со стариком посоветуемся. — Дядя Яша, иди скорее,— обрадованно позвал Алексей.

Платоныч подошел с встревоженным видом, хромя сильнее обычного.

— Ты чего насупился, старина?

— Неладно у нас, Леша. Что-то я двух телятишек не досчитываюсь.

— Каких?

— Один Герой, а второй с черной звездочкой на лбу. Проглядели мы их в суматохе.

— Не может быть. Они здесь где-нибудь. Я сейчас найду,— заторопился Алексей.

Он обошел двор, обыскал каждый уголок, заглянул даже в сени, куда Герой нередко заходил потрепать позабытый Грушей веник. Бычков нигде не было. «Остались где-нибудь за двором. Далеко не уйдут»,— решил Алексей и направился к воротам.

VI

Алексей ушел, Лена еще некоторое время бродила по двору, осматривая по несколько раз одни и те же места. Потом, убедившись, что искать больше бесполезно, подошла к Платонычу и они молча присели на бревна.

Платоныч, похожий на деда Мороза, с выбеленными инеем мохнатыми бровями принялся сосредоточенно и сердито срывать лед с усов.

Лена приуныла. То возбуждение, с которым она полчаса назад выгоняла скот и спорила с Алексеем внезапно прошло. Досадно было, что никто не заметил вовремя пропажу телят. Попробуй теперь, ищи их по такому бурану.

Лена смотрела перед собой невидящим взглядом и не могла собраться с мыслями.

Тягостное молчание первым прервал Платоныч.

— Да, вздохнул он,— пословица правильная: как не повезет косому так уж не повезет. Вот, ведь какой случай.

— Куда они могли деваться? Никогда у нас не было этого,— сказала Лена.

— Велико ли дело, отбиться телятам в буран... Только бы обошлось все по-хорошему...

— Но где Алексей? Что он там делает так долго?

— Придет. Надо нам, дочка, подумать, что теперь со скотом делать? Как это мы столько воды навозим? Дело трудное. Да, и полубочье большое, на сани не поставишь.

— Поставим, дядя Яша, обязательно поставим. Я же ведь, знаю, что ты только так сомневаешься, по привычке, а сам, наверно, все обдумал,— заговорила Лена и встряхнула головой, прогоняя раздумье.

— Ты наговоришь,— смущенно произнес сторож,— попробуем. Попыток — не убыток.

Они прошли в дальний конец двора, где стояло заваленное разным хозяйственным хламом полубочье — огромная новая кадка, стянутая толстыми, самодельной ковки, железными обручами. Полубочье не бывало в употреблении. Его делали перед самым снегом по заданию председателя колхоза, но в село увезти не успели и оно осталось на ферме до весны.

Общими усилиями Платоныч и Лена сдвинули его с места, перевернули на бок и покатали по двору. Но поставить на сани никак не удавалось.

У Лены от напряжения заболели мускулы. Она отступила и сердито пнула упрямую кадушку валенком.

— А чтоб тебе...

Платоныч стоял, что-то соображая.

— Грушу надо позвать на помощь. Эй, гражданка, иди на минутку,— окликнула Лена показавшуюся на крыльце повариху.

Груша по обыкновению одетая кое-как, подбежала к ним и с одного взгляда поняла, что от нее требуется. Сильными, как у мужчины, руками ухватилась она за кромку полубочья, налегла грудью.

— Стоит, — удовлетворенно заключил Платоныч, когда общими усилиями полубочье было втиснуто на сани.— Теперь мы его прикрутим покрепче и все. Ну-ка, дочка, сбегай, принеси веревку.

— По воду собрались? — спросила Груша, когда Лена вернулась с веревкой,— не пошел скот на водопой?

— Нет.

— Куда там в такую погоду... А где Алексей Михайлыч? Что-то не видно его?

— Он телят ищет. Герой у нас пропал,— тихо сказала Лена.

— Ай ты, беда какая!— Груша всплеснула руками.— Да как же так? Сижу я в тепле и знать ничего не знаю. Поедем, Леночка, с тобой по воду. Плита от меня не уйдет. Трубу только прикрою.

Она побежала в избу, и пока Платоныч увязывал полубочье, а Лена запрягала быков, вернулась одетая в шубу, перетянутую зеленой опояской.

— Возьми,— бросила она подруге овчинные рукавицы,— да под платок что-нибудь надень, а то продует. Яков Платоныч, у тебя все готово?

— Можно трогаться. Управитесь одни?

— Не беспокойся. Бабы раздумывают долго, а если уж возьмутся за что — сделают быстро.

— Ну-ну,— согласился Платоныч,— куда с вами спорить, народ вы, известно,— дошлый.

— Поехали,— сказала Груша и потянула за налыгу.

Лена вскочила на сани, уперлась ногами в полозья.

— На спуске, поосторожней, не опрокиньтесь,— напутствовал в воротах Платоныч.

Сани выбрались со двора и сразу потонули в буряне. Ветер хлестал наискось. У Лены через минуту от холода судорогой свело колени. Она присела, стараясь закрыть их полами шубы, невпопад, как слепая, махала на быков прутом. Сани, казалось, не катились, а подхваченные ветром, плыли в воздухе. Впереди, за быками, едва различимо маячила фигура подруги.

Скоро начался спуск под гору.

— Держись, Леночка!— донесся грушин голос. Сани дернулись и поползли с дороги, полубочье угрожающе наклонилось. «Сейчас опрокинется»,— с тревогой подумала Лена, ухватившись руками за разводья дышла. Но полозья удержались на выступающий из-под снега неровности, сани выпрямились. «Пронесло»,— облегченно вздохнула Лена и крикнула подруге.

— Все в порядке, Груша!

Ветер скомкал и унес ее слова.

У проруби, за снежной стенкой, которую предусмотрительно возвел накануне Алексей, можно было вздохнуть свободнее. Подруги принялись стряхивать с себя снег.

— Жива? Я уж думала — унесло тебя бураном,— сказала Груша, хлопая Лену рукавицами по спине.

— А ты не обморозилась? Смотри — у тебя лед на щеках.

— Как же—так мы и поддались холоду! Мороз сердится, да никто его не боится. Начнем, что ли?

Груша достала из полубочья пешню, пробила ею в проруби большую круглую лунку. Лена, нагнувшись, зачерпнула ведром воду.

— Давай конвейером,— предложила Груша,— ты черпай, а я буду выливать. Быстрее дело пойдет, и не обольешься.

Она подхватила полное ведро, опрокинула его в полубочье.

— Не торопись,— советовала она,— поспешишь — быстрее устанешь. Нам вон еще сколько черпать.

Полубочье казалось бездонным. Лена, взялась было считать количество ведер, но сбилась со счета. От беспрерывных поклонов над прорубью заныла спина. Зато стало тепло. Пришлось скинуть рукавицы.

— Ишь, расцвела как,— заметила Груша, поглядывая на нее с улыбкой.— Посмотрел бы сейчас Алексей Михайлыч какая ты красавица.

— При чем тут Алексей?— смутилась Лена и даже расплескала ведро.

— А ты не отворачивайся. Ты у меня выпытывала вчера, я не отворачивалась. Чего парня мучаешь?

— Какого парня? Ты что, Груша?

— Женитесь-ка лучше. Вот что я вам посоветую. Сколько можно ходить друг за другом? Ферма у нас

какая-то холостяцкая. Я без мужа, Алексей с Байдалом четверть века прожили, а все не могут невест найти. Что за напасть? — Груша сделала серьезное лицо, потом улыбнулась и обняла подругу за плечи:

— Счастливая ты, Леночка. Алеша человек хороший. У него да у Степана Матвевича — один характер... Ну, — вздохнула она, — будем собираться в обратный путь... Хватит черпать, озеро все равно не вычерпаешь...

...Снова закрутилось вокруг, завывала метель. Быков вела Лена. Она крепко держалась за налыгу, то и дело склоняясь, и смотрела под ноги. Главное — не съехать с дороги. Тогда все пропало. Сани с такой тяжестью провалялись в снег и застрянут.

Неожиданно быки встали. «Вот и готово», — мелькнула у ней мысль.

Подошла Груша, вся запорошенная снегом.

— Пусть постоят, — сказала она, — подъем сейчас начнется. Веди осторожно, Леночка. Я пойду рядом. Если раскатятся сани, воткну пешню. Удержим. Лишь бы лысые не подвели.

Быки взяли гору хорошо.

— Молодцы, милые мои — шептала девушка, торопливо шагая впереди них.

У ворот их встретил Платоныч. Лена не стала спрашивать, она по одному его взгляду поняла, что Алексея до сих пор нет.

VII

Байдала настороженно и чутко дремал в седле. Переступит конь, вырывая из-под снега копытами траву, звякнет уздечка — табунщик уже смотрит, прислушивается. Потом снова смыкаются отяжелевшие веки, голова клонится вниз...

Последние ночи, проведенные без сна, сильно измучили Байдалу. Обветренная кожа на его широких скулах обтянулась, в темных, узких глазах появился лихорадочный блеск...

Три дня назад на рассвете, на табун, пасшийся близ урочища, напали волки. Они отбили жеребую кобылицу и погнали ее в лес. С табуном в это время был младший брат Байдалы — Канаш.

Он отогнал волков выстрелами, но лошадь споткнулась на бегу, пастух упал и вывихнул ногу.

Байдала вправил брату вывих и оставил его в коше,— небольшом теплом шалаше, служившем жильем для табунщиков.

Ехать на ферму за продуктами было нельзя. Канаш не мог сидеть в седле, надо было дожидаться пока спадет опухоль. Вся забота о табуне целиком легла на Байдалу. И он почти круглые сутки проводил в седле.

— Ой, сердиться будет Степан, ругать будет»,— в который уже раз подумал он и поежился от холода, начинавшего проникать под полушубок.

Он спешился, закинул поводья за луку седла и пошел рядом с лошадыю. Под валенками, хрустел отвердевший снег, ветер, как ошалелый, трепал гриву коня, бешено налетал со всех сторон.

Байдала посмотрел на небо, затянутое мглой, и недовольно покачал головой: плохо, когда солнце прячется к вечеру в тучах,— погода переменится.

Табун медленно продвигался по отлогому склону горы Култай. Кони то расходились по сторонам, то снова собирались вместе, спокойно паслись. Здесь, на возвышенности, доставать траву из-под снега им было легче, чем в степи. Снежный покров едва закрывая желто-зеленую щетину ковыля.

Впереди табуна шел Вулкан — красивый породистый жеребец, светлосерой масти. Он, как страж, был все время начеку. Высоко подняв голову, оглядывал кобылиц, и если пасся, то обязательно чуть в стороне, на таком месте, откуда легко заметить любую опасность...

Байдала походил пешком с полчаса, согрелся и сел верхом. Снова начала одолевать дремота. Чтобы не спать, он запел песню. Пел сначала по-русски. Перебрал все какие знал песни, попытался даже спеть «Горят костры далекие», которую часто пела на время Лена Маркелова, но позабыл слова. Потом уселся поудобнее, повернул коня спиной к ветру и затянул протяжный казахский мотив.

Пел он громко, но ветер уносил слова, и единственным его слушателем был Вулкан. При каждой особенно высокой ноте жеребец настораживался, фыркал и поводил ушами.

Песня как-то складывалась сама. Байдала смотрел на степь и пел о степи, думал о погоде, и песня его повторяла мысли. Ему захотелось сложить песнь о девуш-

ке. Он стал подбирать слова, но все они делали девушку похожей на Лену Маркелову. «Зачем такая песня? Лешка обижаться будет, не по-товарищески»,— подумал он с неодобрением и перестал петь.

Смеркалось. Трудно стало различать лошадей. Внезапно повалил и закружился в воздухе сухой, как крупа, снег.

«Буран,— решил Байдала,— надо гнать табун в урочище». Кони начинали волноваться. Они стояли, сбившись в тесную кучу вокруг жеребца.

Байдала, размахивая соилом, хотел погнать их, но жеребец опередил его. Он вдруг заржал и рванулся в сторону. Кони смешались, плотной массой устремились за ним под гору. Поток подхватил Байдалу. Ему с трудом удалось удержать лошадь, но зато он отстал. Табун уходил. Топот копыт быстро стихал.

«Болото,— вспомнил пастух и его бросило в жар,— Шайтан-куль».

На пути табуна лежало большое болото — пересохшее соленое озеро, с глубокой грязью, которая часто не замерзала даже в самые сильные морозы. Казахи называли такие болота Шайтан-куль — чортовым озером. Кони могли влететь в него с разбега и там увязнуть.

Средство спасения было одно: опередить табун, вернуть его от болота.

Байдала пустил коня вскачь. Сначала он ничего не различал в крутящемся белом мраке, затем впереди затемнеладвигающаяся масса. Табун. Только бы успеть теперь. Лошадь над ним неслась во весь мах и вдруг споткнулась.

От внезапного удара о землю Байдала на одно мгновение лишился чувств. Но тут же вскочил, сгреб с лица снег, и шатаясь, как пьяный побежал к лошади. Стиснув зубы, ругаясь забрался в седло и погнал ее дальше.

— Пошел, скорее, пошел,— колотил он ее кулаком по загривку,— ты, чорт, шайтан! Собака! Канаша подвел, меня подвел!..

— Эй, эй!— донесся впереди голос.— Ого-го, Байдала-а-а. И тотчас из-за бурана показался всадник и чуть не столкнулся с пастухом.

— Пусти!— крикнул сердито Байдала,— чего на дороге стал! Кони в болото побежали... Не видишь...

— Табун я повернул от болота, к урочищу напра-

вил... А ты успокойся. Принимай гостя, к тебе приехал, — сказал весело Степан Островной.

VIII

Очутившись за воротами, Алексей в первую очередь решил обойти вокруг фермы. Он был твердо уверен, что телята далеко не ушли. Скот часто при возвращении с водопоя останавливался на подветренной стороне двора, чтобы постоять на солнцепёке и потеревить старую солому с повети.

Вероятнее всего, что и в этот раз бычки завернули за угол и теперь преспокойно стоят где-нибудь в затиши.

Он обошел ферму, все осмотрел, однако телят нигде не встретил. Алексей озабоченно постоял с минуту и пошел по направлению к озеру.

На дороге, в тех местах, где ветром не успело выдрать снег, были еще видны многочисленные отпечатки копыт. Чем дальше, тем их становилось меньше, пока на скрипучих сугробах не осталось всего по несколько маленьких луночек. Это навело Алексея на мысль, что скот повернул на ферму, а телята одни ушли на озеро. Но его догадка не подтвердилась. Отпечатки маленьких копыт вдруг потерялись.

Алексей повернулся и на коленях пополз в обратную сторону. Позёмка мешала ему двигаться, морозный ветер проникал под одежду, ледяным обручем стягивал тело. Но он старался ни на что не обращать внимания. Как следопыт исследовал и ощупывал он каждый метр дороги, и вскоре наткнулся на следы: они круто поворачивали в сторону. Теперь, больше не оставалось никакого сомнения в том, что бычки отбились от стада по пути на водопой, попали под буран и он угнал их в степь.

Этот вывод не был для Алексея неожиданным. Он, пока полз, подготовил себя к нему. И тем не менее, удивившись окончательно в том, что все это так, он встревожился. Ему хорошо было известно, что значит для скота, очутиться во власти степного бурана. В колхозе в начале зимы был уж подобный случай. На первой ферме в метель отбились от стада штук пятнадцать телят. Нашли их только через два дня, в лесу, километров за восемь от фермы. Двое телят замерзли, остальные про-

дрогли на холоде и так отощали без корма, что их потом едва отходили.

На первой ферме, хотя и далеко, но все-таки был лес, где телята спаслись от ветра. А здесь на десятки километров вокруг нет никакой рощицы. Степь и степь. Телята до тех пор будут брести по ветру, пока не выбьются из сил и не замерзнут.

Надо было, не теряя ни одной минуты, идти следом за ними, во что бы то ни стало догнать и привести их на ферму.

Алексей ступил с дороги, проваливаясь по колена в снегу, пошел по следам в степь. Бычки, как привязанные, все время держались вместе. Две извилистые цепочки следов петляли рядом. Алексей раз двадцать терял их, пока не сбился совсем и не упал в полном изнеможении.

Он лежал, уткнувшись головой в сугроб, и с удовольствием чувствовал, как снег холодит лицо. Он знал, что теряет время, но не в состоянии был ничего с собой сделать.

«Сейчас встану, пойду», — убеждал он себя и не двигался с места.

«Раскис, этого еще не хватало», — Алексей рывком поднял голову, встал опираясь на кнутовище. Первым делом, он попробовал сориентироваться. Все время, пока он шел, ветер дул в спину, стало быть ферма осталась от него справа позади. Теперь где-то по левую сторону должно было быть озеро, полумесяцем загибавшееся от фермы на юго-восток. Если только он не отклонился вбок, озеро недалеко.

«А может, телята задержались в камышах?» — мелькнула вдруг у него мысль. Алексей пошел быстрее, но не успел он сделать десяти шагов, как, неожиданно оступился, упал на спину и съехал по отлогому сугробу вниз.

Сугроб оказался берегом того самого озера о котором он минуту назад думал. Его вынесло прямо на лед к зарослям камыша, раскачиваемого ветром и издающего звуки похожие на звон жести.

Алексею нестерпимо захотелось курить. Он быстро вскочил, отряхнулся, нашарил в снегу кнут и вошел в камыши.

Высокий камыш хорошо защищал от ветра, только

снежная крупа беспрестанно сыпалась вниз. Алексею почему-то вспомнилось, как на этом озере прошлым летом искал он для мальчишек-погонычей яйца чаек; сами мальчишки боялись лезть в глубокую воду, а лодки не было. Он разделся, забрел в воду выше пояса и весь обеденный перерыв пролазил в камышах, ступая босыми ногами по илистому, покрытому водорослями дну. Полдень стоял знойный, солнце на белесом небе нещадно пекло. А на озере, под сенью высоченных камышей, ничего этого не чувствовалось. От воды повеяло приятной прохладой...

В воздухе, почуя опасность, с тревожными криками неслись чайки. Они храбро защищали свои гнезда, плавающие по воде на кучках сухого камыша. Некоторые птицы опускались так низко, что Алексею приходилось отмахиваться от них палкой.

Он не тронул ни одного гнезда и, к великому огорчению мальчишек, выбрался на берег с пустыми руками...

Мысли про лето, про чаек показались Алексею странными. Не верилось после блуждания по бурану, что все это могло быть. Казалось, вечно завывала метель и носился снег, сквозь который ничего не было видно на расстоянии протянутой руки. Выискивая место поудобнее, чтобы сесть и покурить, он широко раздвинул перед собой камыш и остановился в изумлении.

В каких-то двух метрах от него, тесно прижавшись друг к другу боками, заваленные сверху снегом, мирно стояли телята. Внезапное появление человека не испугало их. Наоборот, они даже обрадовались и сразу доверчиво потянулись к нему обледеневшими мордами, как будто давно ждали его.

— Ага, вот вы где, друзья!— радостно воскликнул Алексей, сразу позабыв обо всем, что занимало его перед этим.— Ну, теперь держитесь. Я вам покажу.

Он подбежал к бычкам, обхватил руками морду Героя, прижал к себе.

— Хотел задать вам баню, да прощаю на первый раз, но от себя не пущу, шабаш. Нет к вам доверия. Не пойдете — потащу на себе. Прикручу вас вот так, покрепче,— приговаривал он, торопливо обвязывая кнутом шею бычку. Второму приспособил он свой поясной ремень, затем обе петли соединил вместе, оставив свободным кнутовище, чтобы за него можно было держаться.

Чтобы не заблудиться, он решил идти берегом озера. Бычки тронулись за ним охотно. Но, очутившись на ветру, уперлись и отчаянно замотали мордами. Алексей со злостью хлестнул их рукавицей и потянул за собой. Он тонул в сугробах, падал, снова подымался и брел, не выпуская из занемевших рук кнутовища.

К месту водопоя вышел он перед сумерками. Завел телят под защиту снежной стенки, и вытер обледеневшее лицо. Самое страшное осталось позади. Ферма была близко. Но что это? Алексей наклонился и стал смотреть себе под ноги.

Углубления от широких кованых полозьев, которые видел он на притоптанном снегу возле проруби, в другое время не привлекли бы его внимание. Но сейчас, какое это имело для него огромное значение!

Следы саней! Значит, без него возили воду, и скот напоён.

— Правильно, друзья, молодцы!— взволнованно сказал Алексей таким тоном, словно те, к кому он обращался, были рядом с ним. И впервые после ухода с фермы улыбнулся непослушными обветренными губами.

IX

Только поздно ночью, все кто оставался на ферме, собрались вместе. За день каждый устал, промерз на холоде. Всех одолевал сон. Но в избе было так тепло, так уютно потрескивала лампа и булькал самовар, пускающая в потолок струйки серого пара, что усталость как-то отступила.

Алексей жадно пил чай. Густо, против обыкновения, заваренный терпкий напиток казался ему после мороза чудесным: от него невозможно было оторваться. Приятная успокаивающая теплота так и разливалась по всему телу с каждым глотком.

— Груша,— осторожно придвинул он кружку к самовару,— налей шестую...

— Ты пей, Алексей Михайлыч, не считай, ничего мне арифметику показывать,— упрекнула его повариха.

— Боюсь — самовар опустеет.

— Еще согреем. Вон какая у меня помощница,— показала она на Лену.

— Вы чего там про меня шушукаетесь, друзья? — обернулась девушка, блеснув серыми глазами.

— А это уже наше дело. Ты не слушай.

— Пожалуйста. Я могу, вообще, оставить вас одних. Беседуйте на здоровье.— Лена перевернула стакан и поднялась из-за стола, подошла к вешалке и накинула на себя полушубок.

— Вот так раз. Куда побежала?— нахмурилась Груша.— Ужин что-нибудь не понравился?

— Что ты. Я наелась. Схожу на Жданку взгляну.

— Я тоже пойду,— отставил Алексей недопитый чай.

— А ты зачем?

— Дела, Агриппина Григорьевна. Лысых забыл привязать на ночь, боюсь как бы телят не попыряли.

Алексей и Лена собрались и вышли из избы. Переговариваясь, они прошли по двору до того места, где стояли распряженные бычьи сани с обледенелым полубочьем.

— Отдыхает наш транспорт,— сказала Лена, останавливаясь и трогая варешкой кромку кадушки.

— Расскажи, как вам удалось справиться,— попросил Алексей и тоже остановился.

— Это все Груша. Она у нас за командира. Трудно было, когда первый раз поехали. Потом привыкли. Руки вот только ведром надергало, без привычки...

— Мозолей много? Покажи,— Алексей взял руку девушки, поднес к лицу.

— Варешку дай сниму,— хотела высвободить руку Лена.— И потом ты все равно здесь ничего не увидишь.

— Увижу.— У Алексея почему-то вдруг торопливо и громко затукало сердце. Он прижал теплую, шершавую ладонь девушки к своей щеке и умолк.

Лена смотрела на него снизу вверх.

— Я же говорила, что ничего не разглядишь,— сказала она тихо.

Алексей рассмеялся, но руку не выпустил.

— Лена, почему в темноте я такой смелый, хочешь — даже поцеловать тебя сейчас смогу!

— А днем, значит, я тебе страшная?— с вызовом заметила Лена, Алексей не видел в сумерках как заятели ее щеки. Оба замолчали. Алексей просунул руку под ее полушубок, обнял Лену. Лена сделала слабую попытку вырваться, но, поняв, что ничего не получится, безвольно приникла к груди Алексея, который ощутил на своих губах, теплое прикосновение губ Лены. Кровь бросилась ему в голову. Но Лена вдруг вырвалась из его

крепких объятий, подняла полушубок лежавший на полу и решила превратить все случившееся в шутку.

— Хватит баловаться, лучше объясни мне, какая польза от водокачки, а то вчера ты оказывается с Михеичем целый час толковал на эту тему. Обескураженный Алексей начал рассказывать.

— Да. Подумай, Леночка, что это значит: скот не надо будет гонять на озеро — раз, автопоилки установим — два... В самые сильные морозы можно будет подогреть воду. Замечала: телята пьют из проруби и их лихорадка бьет от холодной воды. А тут поставил бак, литров на двести...

— Решили, — засмеялась Лена. — Остается записать и идти дальше. Ты же, кажется, собирался привязать лысых?

— Они привязаны. Я теперь вспомнил, — улыбнулся Алексей. — Разве, что сходить проверить порядок в коровнике у Маркеловой?

— Пожалуйста. Маркелову вы, товарищ Кириллов, врасплох не застанете.

— Посмотрим.

В просторном, продолговатом помещении коровника, освещаемом тремя фонарями, подвешенными над проходом, было тепло и уютно.

Чисто подметенная дощатая дорожка вела вдоль длинного ряда стойл. Где-то совсем близко, за выбеленной известью стеной, гудела вьюга, стучался ветер в обледенелые окошечки под потолком, а здесь все это почти не чувствовалось. Лишь розоватый свет фонарей чуть подрагивал.

Коровы спокойно шуршали сеном. Одни из них стояли, другие лежали на свежих соломенных подстилках и жевали жвачку.

Лена шагала впереди, по-хозяйски оглядывая свои владения. Алексей молча следовал за ней и нарочно старался выискать какой-нибудь повод для замечания.

— Корм задан полностью согласно рациону, коровы напоены, навоз вывезен, — не оборачиваясь говорила Лена. На минуту она задержалась возле столика, прибитого к стене, на середине помещения, потрогала висевший на гвоздике термометр.

— Температура тоже нормальная, можете убедиться.

— Хорошо, — согласился Алексей, и, собрав губы

трубкой, дохнул в воздух.— С порядком мириться можно.

— Мириться?— переспросила Лена.— Что же по твоему, не все так как надо? Иди-ка ты отсюда, друг...

— Уйду, уйду. Покажи, как твоя долгожданная себя чувствует.

— Жданка с утра ничего не ест. Выпила пойло и все. Лежит грустная.— Лена направилась в дальний конец коровника, где за перегородкой было оборудовано ее стараниями родильное помещение для коров. В дверях на внезапно остановилась и загородила Алексею дорогу.

— Леша,— сказала она тихо и в голосе у ней одновременно послышались радость и испуг,— беги, скорее, позови сюда Грушу. Жданка телится.

...Корова долго не могла растелиться.

Бледная, растерянная Лена один раз показала в избе, чтобы захватить ведро с теплой водой и на тревожный вопрос Алексея сказала сквозь слезы:

— Мучается, бедная.

Алексея в коровник Груша непустила.

— Нечего делать, сами управимся,— решительно заявила она и захлопнула перед ним дверь.

Алексей вернулся в избу, разделся и прилег на кровать с намерением заснуть. Перед глазами, едва он зажмурился, как на экране кино, замелькали впечатления дня: метель, отпечатки маленьких копыт на сугробах, звенящий на ветру камыш, обледенелые, измученные телята. Но сна не было. Он повернулся с одного боку на другой, уткнулся лицом в подушку. Время шло мучительно медленно.

Наконец, в избу, запыхавшись, вбежала Лена.

— Товарищи!— крикнула она с трудом переводя дыхание.— Леша! Ну, что ты не радуешься? Жданка телочку принесла!

Под утро буран стих. Эту радостную весть первым сообщил Платоныч, зашедший в избу погреться и выпить чайку. И хотя сказал он об этом в полголоса одной Груше, услышали его все, и у всех, несмотря на тревожную ночь, сразу пропал сон.

Алексей раньше других оделся и выбежал на улицу. Во дворе еще догорали фонари, но за распахнутыми настежь воротами уже развиднелось и над притихшей степью таяли голубые морозные сумерки. Какой прекрас-

ной казалась эта тишина после шума и воя метели. Алексей дышал полной грудью и с удовольствием тер варежкой пощипываемые морозом щеки. Он не заметил, как сзади подошла Лена.

— Наконец-то кончилось светопреставление, — сказала она, с улыбкой оглядываясь по сторонам. А ты го водил, что на неделю. Ой, да отсюда из-за сугробов и степь-то нельзя разглядеть как следует!

— Хочешь, заберемся куда-нибудь повыше? — предложил Алексей. Недолго думая, он вскарабкался на сугроб и протянул оттуда руку.

— Ну, берись.

Лена, смеясь, ухватилась за нее, и через минуту они уже стояли рядом у края повети.

Степь видна была отсюда далеко во все стороны. Она расстилалась, как море, и сугробы на ней напоминали волны, взбудораженные ветром. Буран все переделал по своему: с одного места сорвал снег, в другое — нанес. Высокие сугробы высились с подветренной стороны фермы. Снегом завалило огороженный рядами денник для скота. Зато на озере снега не было, голый лед поблескивал, как огромное темное зеркало.

Наступал день. Небо на востоке постепенно розовело, как будто там занимался огромный пожар. Одна за другой блекли и гасли в зеленоватой холодной вышине серебряные шляпки далеких звезд.

Вдруг багровый отблеск лег на лесистую верхушку горы Култай и тотчас же где-то за дорогой, обозначенной черточками телеграфных столбов, за глянцевыми пятнами озер на краю степи показалось солнце. Большое и не такое ослепительное, как днем, оно медленно всплыло из-за горизонта. Под его лучами степь, казалось, ожила. Она еще больше раздалась вширь, стала просторнее, миллиардами разноцветных искр загорелись по крывающие ее снега.

Алексей загордился рукой от этого нестерпимого сияния и сбоку глянул на Лену. Девушка стояла, восхищенно прищурился глаза. Ее лицо и особенно пушистые волосы, выбившиеся из-под платка, казались золотыми на солнце.

— Замечательно, — с волнением прошептала она и тронула Алексея за руку, — ты только посмотри, Леша, а красота. Ни одному художнику так не нарисовать

Они простояли еще несколько минут, молча наблюдая за тем, как солнце карабкается в голубое небо.

— Нет, так ослепнуть можно, я уж ничего не вижу, — не выдержала Лена, заслоняясь рукой от солнца.

Алексей тоже отвернулся и стал вглядываться в сторону горы Култай.

— Смотри, — толкнул он Лену, — да не туда, а левее, вон за ту ложину. Видишь что-нибудь?

— Какая-то точка. Что это значит?

Точка быстро двигалась по направлению к ферме. Скоро можно было хорошо различить, что это всадник.

— Степан Матвейч едет, — заявила она уверенно. — Честное слово — он. Я по коню вижу.

Это был действительно Степан. Чем ближе он подъезжал, тем заметнее была его манера сидеть в седле, чуть склоняясь вбок. Алмаз шел под ним ровной красивой рысью.

— Бежим навстречу! — скомандовал Алексей и первый спрыгнул с повети.

Он и Лена, взявшись за руки, одновременно добежали до дороги и, запыхавшись, остановились. Степан ехал уже шагом. Метрах в десяти он соскочил с седла и пошел им навстречу.

— Здорово живете, животноводы! Ну, кому первому предоставить слово, — улыбаясь, сказал он — себе или вам? У кого новостей больше?

И они пошли к ферме, оживленно разговаривая: в середине — Степан, справа от него Алексей с лошастью в поводу, слева — Лена. Трое из семерых обитателей далекой колхозной фермы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I

Стоя на коленях в распахнутом пиджаке, разгоряченный Вершков черенком лопаты тщательно утрамбовывал землю вокруг столбиков для палисадника. Вечерело. За сизыми шиферными крышами заводского поселка садилось солнце. Отблески его трепетали на стеклах окон, наполняя прохладный воздух едва уловимым розовым светом. От свежеструганных сосновых столбиков и реек приятно пахивало смолой.

По улице, переговариваясь, группами и в одиночку шли рабочие: возвращались с завода дневная смена. Высокий седоусый старик в прожженной брезентовой куртке остановился на тротуаре и приветливо приподнял кепку:

— Отпускнику — мое почтение.

— А, Иван Матвеевич, подходи поближе, покурим, — отозвался Вершков. Он отставил лопату, поднялся и, отирая тылом ладони потный лоб, полез за кисетом.

Старик подошел. Это был известный на заводе мастер-литейщик Теренин. Работали они с Вершковым в разных цехах, но жили по соседству и поэтому часто виделись. Любили в свободное время потолковать про разные житейские дела.

Теренин не спеша свернул цыгарку, раскурил ее от протянутой соседом спички, и пуская сквозь седые усы дым, спросил:

— Хозяйством все занимаешься?

— Да вот, копаюсь помаленьку: тороплюсь до зимы кое-что сделать — ответил Вершков и поглядел на свой домик: это был такой же одноэтажный небольшой кир

пичный дом, как и все другие дома, стоящие по обе стороны широкой, еще не мощеной улицы, которая одним концом упиралась в ограду недавно разбитого парка, а другим выходила в степь. Большие окна, освещенные косыми лучами солнца, пылали розовым огнем. Вершков улыбнулся, довольный нарядным видом квартиры. Его взгляд как бы говорил: «Ну, разве можно оставить такой домик без палисадника?»

Теренин, поняв его, согласно кивнул:

— Да, дом у тебя хороший, на солнце. А у меня старуха сердится: недовольна, что живем на теневой стороне. Ворчит. Хоть проси директора заменить квартиру.

Минут десять стояли, покуривая и обсуждая заводские новости, потом старый мастер собрался идти. Прощаясь, он оглядел сделанную Вершковым работу и снова спросил:

— Хозяйничаешь, значит, зимовать думаешь?

— Так ведь надо. Дело тут такое — ничего не поделаешь.

— А я думал в деревню собираешься и, признаться, даже удивился немного, что ты палисадник мастерить.

— О деревне пока мыслей нет, Иван Матвеевич. Якорь здесь, сами видите, бросил прочно, — осторожно приминая пальцами окурок, сказал Вершков.

— Я слышал, призыв партии есть: механизаторов, кто раньше в МТС работал, зовут обратно туда. Ты ведь тракторист, насколько мне помнится?

— Пятнадцать лет на тракторе проработал, не считая войны. Бригадиром тракторного отряда был. А что это за призыв партии, в связи с чем? — спросил заинтересованно Вершков.

— Дело затеяно большое. Кадры требуются для села. Да ты разве ничего не знаешь, в газетах обо всем этом давно пишут.

— Закружился я с домашними делами и почитать некогда, — смущенно признался Вершков.

— Этак ты, брат, совсем от жизни отстанешь. Почитай постановление, советую. Может, и на самом деле зимовать тут не будешь. Газета-то есть? На вот, я тебе свою дам. Утром пришлешь с ребятишками, — старик достал из кармана куртки аккуратно свернутую газету, отдал Вершкову и ушел.

Вершков спрятал ее и снова взялся за лопату. Не работал уже не с таким увлечением. Из головы не выходила мысль: механизаторов партия зовет назад в деревню. Каких механизаторов, откуда? Кого это касается?

Надо обязательно прочитать газеты, разобраться во всем. И как он только прослушал такую новость?!

II

После ужина, не дожидаясь пока жена уберет посуду Вершков с газетой подсел к столу. Постановление было большое, на четырех страницах и он с неуверенностью перелистал газету: хватит ли терпенья одолеть все сразу? За время отпуска он разленился и привык рано ложиться спать. Читать он решил не все, а только те места где говорилось о механизаторах. Но незаметно для себя увлекся и ничего не пропускал.

Его поразило, что в постановлении говорится о таких вопросах, которые были хорошо знакомы ему и над которыми он сам не раз задумывался. Но он не мог найти на них ответа. Здесь же эти ответы были. Причем говорилось обо всем прямо, открыто, без утайки, так как нигде и ни от кого нельзя было услышать. Казалось кто то подслушал и собрал вместе слова и мысли, может быть, тысяч таких людей, как он: трактористов, бригадиров, колхозников.

Отдельные места в газете были настолько верными и близкими, что Вершков не мог удержаться: стукнул ладонью о стол, одобрительно говорил:

— Верно, вот это так. Правильно!

Он дочитал до последней строчки, бережно сложил газету и, продолжая обдумывать и перебирать в уме прочитанное, стал закуривать. Да, старый мастер верно сказал: большое дело затеяно. И дело не обычное. Оно непосредственно касалось его, Вершкова. Партия обращалась за помощью к механизаторам, в том числе и нему. Его звали вернуться в село, к старой специальности.

Вдруг его неудержимо потянуло к машинам, и чувство сожаления о том, что он покинул МТС, возникло необычной остротой. В сущности, его всегда влекло в деревню, хотя он и старался не признаваться себе, и нить связывающая его с прежней работой, никогда не прерывалась совсем. В местной газете он прежде всего иска-

сообщения о своей МТС и радовался, когда ему попадалась знакомая фамилия тракториста или комбайнера. Но теперь эта тяга сделалась особенно ощутимой и уже не было всех тех причин, которые раньше ограничивали и сдерживали ее. Они как-то незаметно таяли и теряли свою убедительность одна за другой.

Интересно, как-то там сейчас дела в МТС? Кто еще остался из друзей и кого нет? Вершков вспомнил, что давно уже не получал известий из МТС. Но судя по всему не один он подался на производство. На днях встретился ему на улице фронтовой товарищ. Двадцать лет проработал механиком в МТС и тоже не удержался: переехал в город, устроился в какой-то гараж. Говорит: зарабатывает больше. Одна молодежь осталась в МТС, многие «старички» вроде него, подались в сторону. А ведь техника все прибывает: новая, сложная, замечательная техника. Знающих людей требуется к ней много. Люди нужны. И немало теперь людей вернется назад, в деревню, после такого поворота.

«А может быть, и мне податься, может, действительно не придется зимовать», — подумал Вершков. Это неожиданная мысль так глубоко задела его, что он даже крикнул и зашагал по комнате. Уехать, вернуться в МТС? А что? Разве это невозможное дело? Вот, решит и уедет.

— Надя, — позвал он жену, — Надя, иди сюда.

Жена в соседней комнате стелила постель и вышла с подушкой в руке.

— Что это с тобой сегодня? Зачитался совсем. Спать думаешь ложиться?

— Погоди, Надя, — остановил ее Вершков, — от твоих стариков когда было последнее письмо? Не помнишь?

— Да уж с месяц как. А что такое?

— Об МТС ничего не пишут?

— А чего им писать? Дел у них там никаких нет. Да ты что вдруг заинтересовался, МТС вспоминаешь?

— Слушай, Надя, — Вершков привлек к себе жену, — поедем назад в деревню.

— Вот тебе на! Это с какой же стати?

— Нет, серьезно, поедем. А?

— Ты что? Зачем?

— Нужны мы там, очень нужны.

— Кто это вы?

— Трактористы, механики, бригадиры. Одним сло-

вом — все механизаторы. Понимаешь? Да вот тут все сказано. Я тебе сейчас все объясню.— Вершков взял газету и перелистывая ее, торопливо и взволнованно стал пересказывать все то, что сам только что прочитал.

— Видишь, есть же возможность возвратиться, правда? — спросил он, торопясь услышать мнение жены.

Надежда Николаевна ответила не сразу: она смотрела в окно. Сквозь штору слегка просвечивало тусклое пятно уличного фонаря. Казалось, она не обратила внимания на его вопрос и думает совсем о другом.

— Ну, что же ты молчишь? — переспросил Вершков.

— Спать надо, Василий. Смотри, второй час пошел.

— Успеем выспаться. Ты на мой вопрос ответь. Как ты думаешь?

— Не знаю, Вася,— Надежда Николаевна погладила подушку ладонью.— Ничего я сейчас не скажу. И чего ты придумал? Ну, ладно, в МТС ты поедешь. А с какими глазами? Ты же сказал директору, что вовек назад не вернешься?

— Мало ли что я говорил. Что было — то прошло,— проворчал Вершков.

Он несколько минут молчал, не возобновляя разговора. Ему показалось, что жена не поняла его, отнеслась равнодушно к тому, о чем он ей говорил с таким увлечением, и это несколько обидело его. «Что с ней толковать, если это ее совсем не трогает»,— подумал он, сердито раскуривая потухающую цыгарку.

Но он ошибался. Надежду Николаевну разговор с мужем взволновал и встревожил. Поехать в МТС, вернуться назад в деревню? Да разве она могла отнестись к этому спокойно? Всю свою жизнь до переезда сюда на завод провела она в деревне: привыкла и любила ее. Там остались родные, подруги. С деревней были связаны дорогие воспоминания детства и молодости, воспоминания о тяжелых годах войны, когда она оставалась одна с детьми и работала на всю семью. А к городу она до сих пор не могла привыкнуть. Не потому, что здесь было хуже. Наоборот, семья в эти пять лет жила лучше. Просто тот знакомый с детства мир не забывался и тянул к себе.

Надежда Николаевна нередко думала о возвращении в колхоз и желала этого. Но время делало свое, и с каждым годом возможность вернуться представлялась ей

все более далекой и маловероятной. Когда-то будет это, да и будет ли? Разве муж согласится оставить завод, где так хорошо устроился? И вдруг такой разговор. И завела его не она, а он сам. Все это ошеломило и обрадовало ее. То, о чем мечтала она и на что надеялась в душе — могло исполниться. Но вот как раз эта, может быть, теперь такая близкая возможность, вызвала в ней противоположное чувство. Она испугалась ее. Страшно было подумать, что опять придется срывать с места все собирать, укладывать и вновь расставлять. Пуще всего ее тревожила мысль о том, что придется лишиться всех тех удобств, к которым она привыкла, живя в городе: водопровода, канализации, электрической плитки и многих других вещей. Там ничего этого не будет и домика такого не будет и школа хуже чем здесь.

Надежда Николаевна снова вздохнула и, видя что муж сам еще ничего не решил и раздумывает, сказала: — Поедем в МТС и опять тебе ни зимой ни летом покоя не будет, и с заработком будет плохо. Забыл разве?

— Насчет заработка не беспокойся. Порядки теперь другие. Все предусмотрено.

— Квартиру жалко, Вася. Вон какой домик. Сколько наших трудов положено. Как это все бросишь?

— Нашла что жалеть: домик,— отмахнулся Вершков.— Домик и там будет. Не это главное, пойми, Надя,— он нежно обнял жену,— главное, чтобы душа к работе лежала. А душа у меня все-таки там, в поле, у трактора. Я здесь хоть и стараюсь и никто на меня не может пожаловаться, а все же не то.

— Вот из-за того, что ты стараешься, тебе и не придется поехать.

— Почему?

— Ценят тебя здесь, Вася. Уважают. А где это видно, чтобы хорошим работником поступились сразу? Да Петр Алексеевич, твой начальник цеха, первый воспротивится. Он так тебя хвалит.

— Ничего он не хвалит. Откуда ты взяла? — смущенно проговорил Вершков.

Упоминание о заводе испортило ему настроение. Еще минуту назад ему казалось, что он уже все решил и оставалось лишь уговорить жену. И вот от готового решения ничего не осталось — оно исчезло, расплылось, как ком снега на солнце. Быстро появилось — быстро про-

ло. Нет, не мог он так просто, вдруг, бросить завод, к которому привык, с которым сжился за четыре года. На самом деле — чего ему здесь не хватает? Специальность получил, зарабатывает прилично, не на плохом счету в цеху. Если подумать, то, пожалуй, жена и права: ценят его на заводе. Ведь дали же ему одному из первых квартир в новых домах и еще какую: с водопроводом, электричеством, ванной. Магазин — рядом, до завода десять минут ходьбы. Все удобства. Разве имел он все это, работая в МТС? Подумать только: вот уже пять лет, а не было ни одного случая, чтобы он не ночевал дома или куда-нибудь отлучился кроме завода. А там? По целым месяцам не заглядывал домой. С весны до глубокой осени — в поле, а зиму в МТС — на ремонте. Вечно один, без семьи, как бобыль. Ребятишки без него от рук стали отбиваться, дров, воды привезти некогда. И ссора с директором МТС произошла у него из-за этой походной жизни. Не будь ее, глядишь, и поныне бы он работал на старом месте и не надо было бы раздумывать, решаться куда-то ехать.

Вершков помрачнел, вспомнив эту размолвку с директором. Началось все с пустяка. Как-то прислала ему жена записку: жаловалась, что сама не может отлучиться от фермы, а дрова кончились — нечем топить избу. Вершков с запиской пошел к директору: попроситься дня на три домой. Как на грех в это время не ладилось с ремонтом. Директор кое-как выслушал его, обещал помочь через председателя колхоза, но самого его не отпустил. Неполомки на ремонте измотали Вершкова не меньше чем директора и он, махнув на все рукой, уехал домой самовольно. На следующий день директор пришел за ним сам, накричал на него. Не вытерпел и Вершков: сгоряча разругался и заявил, что в МТС работать вообще больше не будет. В городе у него жил племянник, давно звал его, обещая устроить на завод, и Вершков решил: уехал к нему.

Конечно, дело было не в ссоре. С директором приходилось ему поругиваться по работе и до этого. Ссора на этот раз явилась предлогом, последней каплей, которая решила все. Работа в МТС не удовлетворяла его, и недовольство накапливалось долго, пока не вылилось в перепалку с директором. И все же эту ссору он не мог потом вспоминать без чувства неловкости за себя. Нагово-

рил он тогда под горячую руку много лишнего. Как же теперь быть? Признаться, что был неправ и только? Но поверят ли этому? И потом: завод. Проработать пять лет и вдруг уйти. Товарищи так и скажут: получил специальность и убегает. А может быть, не скажут? Почему они должны это сказать, на каком основании? Ведь он же не на отдых и легкой жизни не ищет.

Жена продолжала осторожно убеждать его; опять что-то говорила про квартиру. Занятый своими мыслями, Вершков плохо ее слушал. Его сердило, что он начал разговор о возвращении в МТС, пытался убедить жену, а оказалось, что в убеждении больше всего нуждался он сам. Сознание невозможности что-либо решить — вывело его из себя. Он серdito смял окурок, бросил его на пол и, поднимаясь из-за стола, сказал:

— Ладно, хватит на сегодня. Поговорим об этом когда-нибудь. Не к спеху, никто не гонит.

III

Утром собрались копать картошку. Поджидая жену, Вершков хмуро возился в сенях с мешками. Вчерашнее настроение — недовольство собой — так у него и не прошло. Жене он сказал, что говорить о переезде в МТС не к спеху, а сам продолжал об этом думать и чуть не до рассвета промаялся без сна. И когда встал — первая мысль у него была о прочитанном постановлении, о ночном разговоре с женой, о своих колебаниях. Так внезапно возникшее решение уехать назад в село крепло, пробиваясь сквозь сомнения и колебания, как прорастает весной сквозь мусор молодая травка.

...Заводские огороды были далеко за поселком. Узкая, глубоко протоптанная дорожка бежала сначала через обширный пустырь, до половины занятый дощатой оградой строящегося кирпичного завода, а затем вывела в степь, поблекшую и побуревшую от холодного дыхания осени. День выдался солнечный. В тихом прозрачном воздухе, в котором уже чувствовалась нелетняя свежесть, медленно плыли нити паутинок. Вдали золотилась зубчатая кромка березового леса. Расстояние приглушало городские шумы: они казались далекими-далекими. Как будто из-под земли доносились гудки паровозов. Необыкновенная тишина и покой царили в степи.

Вершков шагал с лопатой на плече; с восторгом и удивлением поглядывал по сторонам. У него было такое ощущение, как будто он впервые попал сюда. Глаза его под пушистыми белесыми бровями слегка шурились от удовольствия. Он с радостью чувствовал, как в нем тает и проходит, бесследно исчезает, то настроение подавленности, которое мучило его ночью. К чему он пытал себя какими-то сомнениями? Ведь, в сущности, все ясно: надо вернуться в МТС. Завод, удобная квартира, спокойная специальность — все это не сможет его удержать. Правда помехой остается отказ жены. Но об этом можно еще подумать, найти выход.

«А в колхозе сейчас пашут зябь, как раз самый разгар, и погода лучше не надо», — подумал он с улыбкой и приостановился: ему послышалось, что где-то гудит трактор.

Трактор был далеко. Маленький, похожий на черного жука, он медленно двигался возле самого леса. Когда подошли ближе оказалось — трактор опаживает сено, объезжая по несколько раз вокруг каждого стога. Видимо, это была машина какого-то подхоза: порядком поизносившийся, лязгавший и чадивший дымом, старенький «Универсал», с трудом тащил трехкорпусный плуг. И тракторист, очевидно, не очень знал свое дело. Машина у него глохла и останавливалась, борозды получались неровные.

Вершков, выворачивая лопатой картошку, все поглядывал и поглядывал на трактор и в нем росло чувство нетерпения.

— Вася, ты следи маленько. Три куста уже срезал лопатой, — пожаловалась жена. Вершков не ответил, бросил лопату и торопливо направился к остановившемуся трактору.

Тракторист — паренек в замазленном до последней степени ватнике, склонившись с сиденья, копался у себя под ногами и чертыхался. Мотор работал чуть слышно, неровными толчками, как будто его била дрожь. «Колесчатый вал стучит», — сразу определил Вершков и окликнул тракториста:

— Эй, приятель, что случилось?

Паренек выпрямился, повернул к нему грустное курносое лицо и безнадежно махнул рукой, как бы говоря: «Э, да что тебе объяснять, разве ты поймешь?».

— Ты что молчишь, заело что-нибудь, не иначе? — переспросил Вершков.

— Да, вот, — буркнул паренек, — не тянет.

Он с какой-то беспомощностью провел по лицу маслянным рукавом, шмыгнув носом и стал удивительно похож на мальчонку, у которого никак не клеятся дела. Вершков улыбнулся: паренек напоминал ему младшего сынишку.

— А ну-ка, дай я попробую, — сказал он, взбираясь на сиденье. — Да ты не бойся, не запрячу машину, — успокоил он тракториста, видя, что тот с недоверием смотрит на него.

«Вот и там, в МТС, такие хлопцы сидят на машинах. Хлеб сеют. А наш брат — в стороне, где получше, да поспокойнее. Сложили все на молодежь», — с невольным укором самому себе подумал он.

Тракторист неохотно уступил место, хмуро спросил:

— Вы что, понимаете в этом деле?

— Понимал когда-то немного. Было время, — проговорил Вершков, и подрагивающими от волнения руками взялся за руль. Так он давно за себя не переживал. Почему-то промелькнула тревожная мысль: «Не забыл ли? Не оскандалюсь ли перед мальчуганом?» Вершков внимательно осмотрел остывающий мотор и, покопавшись внутри его, быстро нашел неисправность. Весело посвистывая он надежно закрепил в гнезде болт и забрался на сидение трактора. Привычным движением включил скорость. Трактор весь затрясся от напряжения, оглушительно затарахтел, окутался едким дымом и плавно тронулся с места. Вершков оглянулся: из-под плуга, извиваясь, как живые, ползли широкие маслянисто-черные пласты. Полукружье вспаханной земли тянулось за трактором, словно по траве чьи-то невидимые руки расстилали узкий, темный ковер; разматывается он, и нет ему ни конца ни края. Вершковым овладело знакомое, давно не испытываемое сложное чувство пахаря. Он не слышал грохота мотора и визга плохо смазанных колесиков плуга. Зато ему казалось, что он отчетливо слышит, как с треском режет лемех травы и падают со стуком, отламываясь от пластов, тяжелые влажные комья. Сквозь терпкий запах бензина и горячего масла к нему пробивался волнующий аромат свежеспаханной земли, такой привычный с детства. В нем была вся степь, все запахи тех

живительных соков, которые впитала в себя за лето земля, чтобы весной влить их в тяжелые колосья пшеницы и сочную зелень трав.

Вершков жадно, с удовольствием вдыхал пряный, бодрящий воздух, и ему захотелось петь. Расстегнув ворот гимнастерки, довольный и, как будто, помолодевший, описывал он круг за кругом, то и дело поглядывая назад: не шкрябит ли борозда. Он снова переживал то непередаваемое состояние гордости, ликования и глубокого удовлетворения своей властью над машиной, которое каждый раз появлялось у него в поле при первой борозде. Быть может, эти чувства впервые зародились в тот день, когда он, семнадцатилетний паренек, первый во всей деревне кончил курсы трактористов и заявился в родное село на тракторе. Как это было давно! Весь день он был в центре внимания. Взрослые и дети окружали его, расспрашивали и допытывались — как это он выучился управлять такой диковинной штукой; наперебой звали в гости. И на следующее утро, когда он выехал в поле пахать, вся деревня вышла за ним. Огромная толпа двигалась по полюсе. Люди нагибались, щупали и мяли в руках землю, удивленно восхищались, а он сидел за рулем, окруженный счастливой детворой, и ему казалось, что он на своем тракторе может вспахать не только эту вековую целину за поскотиной, а поднять весь мир. Это была гордость за машину, только что входившую тогда в жизнь села, и за себя, простого деревенского паренька, сумевшего овладеть этой машиной. Этот, не ахти уж какой и важный, выдавший виды колесный трактор, заслонил ему тогда все остальное. Вся жизнь преломлялась через него, как через призму. Благодаря трактору он сумел овладеть сердцем самой красивой и самой неприступной девушки во всем селе — Нади Ивашиной.

Вершков с улыбкой посмотрел в ту сторону, где жена копала картошку. Она стояла с ведром в руке, выпрямившись и приложив ладонь козырьком к глазам, наблюдала за ним. Так она когда-то в молодости провожала на пашню, и, выйдя за село, долго махала рукой и смотрела вслед. Ему стало приятно от мысли, что у него такая хороша жена, которая будет всегда с ним, и готова помочь в любой трудности. Это был человек больше всего связывающий его с молодостью, с прошлым, с теми бурными днями первых лет коллективизации, которые ни-

когда не забудутся. И перед ним вдруг, как никогда до этого, с необыкновенной остротой встал вопрос: как он все-таки мог так легко бросить МТС и уехать в город? Как эти все мысли, которые волнуют его сейчас, не удержали его? Разве он не думал и не переживал тогда? Нет, думал и мучился не меньше, чем теперь. Но заботы о семье, стремление устроиться лучше в материальном отношении — оказались сильнее. Он подчинился им. Но ведь за это его никто не судит, в постановлении партии ни одному механизатору уход из деревни не поставлен в вину. Наоборот, их поступки объяснены тем, что в МТС отсутствовали условия для работы. Так что же ему мешает вернуться туда, почему он в чем-то сомневается? Вершков сознавал, и до этого, а теперь особенно глубоко почувствовал, что, в сущности вся его жизнь у него сложилась не совсем правильно. Ведь был же он когда-то первым трактористом, комсомольцем, участвовал активно в той решительной ломке старой жизни, которая началась с образования колхозов. Тогда он был впереди, в самой гуще событий. А потом отстал, увлекся машинами, занялся семьей. Из комсомола выбыл и в партию не вступил. Думал: партийная нагрузка будет мешать облюбованной профессии, отвлекать от работы. Как он тогда ошибся! На фронте он уже совсем решил вступить в партию, даже заявление написал, но был тяжело ранен, долго лежал в госпитале и намеренье свое так и не осуществил.

Да, от партии он отстал, но разве его работа, вся его жизнь не была связана с партией? И разве откликнуться на призыв партии не его долг, хотя он беспартийный? Много было трудностей в колхозной жизни, нечего это скрывать, и он вместе со всеми перенес эти трудности, боролся, чтобы их преодолеть. Может ли он сейчас оставаться в стороне, если его зовут помочь, если снова трудно? Нет! Он не мог оставаться посторонним наблюдателем, душа его восстала против этого. Ему хотелось быть первым трактористом в деревне и, как раньше, самому провести в предстоящей борьбе первую борозду. Вершков склонился, переключая скорость и, чувствуя в руках послушный рычаг, снова с удовольствием подумал: «Нет, не разучился. Все хорошо помню. Хоть сейчас за баранку».

Он сделал четыре круга и стал дружески прощаться

с трактористом. Паренек смотрел на него уже без прежнего недоверия.

— А вы, оказывается, здорово действуете,— сказал он восхищенно,— а я думал, что вы не умеете. Вы, наверно, работали трактористом?

— Было дело, браток. Покромсал землицы на своем веку. И еще повороचाю,— ответил Вершков весело, хлопнул паренька по плечу и зашагал через пахоту, проваливаясь сапогами между упругих, толстых пластов. Сиденье за рулем трактора и чувства, испытанные в эти минуты, как бы решили все. Оживленный, повеселевший, Вершков охотно работал, со смехом кидая жене в ведро крупные шершавые картофелины, и не обращал внимания на хмурое выражение ее лица.

IV

На следующий день рано утром Вершков зашел в комнату, где спали дети, и стараясь не шуметь, разбудил сынишку-шестиклассника.

— Встань-ка, сынок,— осторожно потряс он его голое плечо.

Мальчик приподнялся, достал из-под подушки будильник, посмотрел время и снова заснул.

— Слышь, Коля, встань говорю,—повторил Вершков.

Кутаясь в одеяло, мальчик захныкал:

— В школу еще рано. Я всегда в восемь встаю, а сейчас только полседьмого.

— Не в школу. Я тебя хочу попросить сделать одно дело: переписать вот это почище,—Вершков осторожно положил на одеяло исписанный карандашом тетрадный листок. Второй такой же листок лежал у него в кармане. Он его не показал, боясь, что сынишка откажется переписывать так много.

Получилось действительно многовато. Ему хотелось изложить свою просьбу, а вышло не просьба, а вся его биография. И ничего нельзя было выбросить. Казалось, опусти что-нибудь и заявление будет неубедительным, ему могут не поверить. Он чуть не всю ночь просидел за столом: писал, зачеркивал и снова писал. Теперь он хотел, чтобы все это было переписано, чисто, аккуратно, без ошибок, и, главное, безо всякого отлагательства.

Ждать вечера, пока дети вернутся из школы у него не хватало терпения.

Сынишка, наконец, поднялся, кое-как протер глаза и, поеживаясь; сел к столу:

— А что переписывать-то? Заявление что ли? Кому?

В самом деле: кому? Вершков на минуту задумался. Он столько времени потратил на заявление, а куда и кому послать его — не придумал. В МТС, директору? Нет. Не директор же зовет его? Он, может быть, даже и не захочет взять его обратно. Зовет его партия. Ей и надо адресовать заявление.

— Пиши,— решительно сказал он,— секретарю обкома партии, от беспартийного Вершкова Василия, бывшего механизатора-тракториста...

V

Несколько дней после того, как было отправлено заявление, Вершков провел в нетерпеливом ожидании ответа. Чтобы он ни делал: работал ли по хозяйству или сидел дома — он с волнением ожидал почтальона. Так ждал он писем только на фронте. От каждого стука в двери у него тревожно екало сердце. Откажут ему в просьбе или нет? Может быть, лучше было сначала списаться с директором, спросить его согласия? А то вдруг он поставит на своем: не надо и все? Вершкову хотелось вернуться именно в свою Зеленодольскую МТС, в знакомые места. Но под конец он решил: если директор воспротивится — махнуть в другую МТС. Там, конечно, нет своих ребят, старых друзей, но какая разница? Будут. Это дело наживное.

В дни ожидания он пристрастился к газетам. Уже не рвал их на цыгарки, а внимательно перечитывал и складывал на этажерку.

Особенно его заинтересовало когда в центральных газетах появились сообщения о том, что многие механизаторы и специалисты сельского хозяйства изъявляют желание поехать на работу в село. Один раз он не вытерпел и побежал с газетой в руках к жене, на кухню, забыв о том, что она не разделяет его настроения.

— Смотри, Надя, про нашего брата в «Правде» пишут. Бригадир тракторной бригады — двадцать четыре

года стаж — возвращается в МТС. Работал на большом заводе, — сказал он оживленно и тут же, как бы стараясь успокоить себя, добавил: — возьмут и меня. Ведь возьмут, как думаешь?

Жена месила тесто и враждебно промолчала.

Но время шло, а ответа не было. Вершкову, порой, начинало казаться, что его заявление затерялось, и он упрекал себя: «Надо было не по почте послать, а самому отнести. Ну почему не отнес, чудак?»

Возвращаясь с завода, заходил покурить старик Теренин. Спрашивал, пряча в усы дружескую улыбку:

— Ну, как сосед, зимовать остаешься, нет? — И услышав не очень веселый ответ, одобрял:

— Жди, жди, Василий. Быть того не может, чтобы не ответили. Обязательно ответят. С таким заявлением не ты один. Ты думаешь, про тебя забыли?

...Про Вершкова не забыли. Однажды, когда он приводил в порядок спецовку, готовясь выходить на работу — отпуск кончился — с улицы стремительно вбежал сынишка. Размахивая сумкой, крикнул с порога:

— Папа, к нам «Победа»!

Вслед за ним, пригнувшись в низкой двери, вошел незнакомый мужчина в кожаной куртке.

— Вы будете товарищ Вершков? — спросил он, доставая из кармана бумажку и заглядывая в нее.

— Он самый, — Вершков отложил работу, встал, — чем могу служить.

— Меня послали за вами из обкома партии. Едемте.

В груди поднялось тревожное чувство. Вот тебе на! Ждал ответа, а тут самого вызывают. Неужто отказ? Вершков, растерянно провел ладонью по подбородку.

— Как же я в таком виде? Да я сейчас побреюсь в две минуты.

Незнакомец улыбнулся:

— Ничего, побреетесь потом. Борода у вас не так уж большая.

Он никогда не был в обкоме и поэтому не совсем уверенно чувствовал себя, поднимаясь по широкой лестнице, застланной ковровой дорожкой, на второй этаж. Но все, что было потом, оказалось, таким простым, обычным, что он перестал смущаться и забыл про свою бритую бороду.

В просторной, светлой комнате с обитой клеенкой

дверью, его встретил пожилой, плотный мужчина. Его большие внимательные глаза с веселой искринкой и приветливая улыбка показалась Вершкову знакомыми. Где он встречал этого человека? Ах, да ведь он видел его на заводе. Секретарь обкома несколько раз был у них в цехе и, помнится даже, останавливался возле его станка: интересовался керамическим резцом. Он твердой походкой прошел через кабинет навстречу Вершкову, крепко тряхнул руку и провел его к столу. Усадил в кресло, присел рядом сам, стал расспрашивать о заводе, о работе и узнав, что Вершков в отпуске, поинтересовался хорошо ли он отдохнул.

Растроганный этой простотой, Вершков чистосердечно рассказал обо всем и под конец признался, что с нетерпением ждал ответа на свое заявление.

Секретарь обкома понимающе кивнул:

— Вот по поводу заявления я вас и пригласил. С ответом мы немного задержались, но я думаю вы простите...

— Лишнего я там много написал. Не сумел по-другому, — не без смущения проговорил Вершков и подумал: «Что-то он мне сейчас скажет?»

— И не надо по-другому. Замечательное у вас заявление. Мы его обязательно опубликуем в газете. Спасибо за патриотический поступок, Василий Кузьмич.

— Значит?!

— Просьба ваша удовлетворена. Поздравляю, — секретарь с улыбкой протянул руку.

Вершков в волнении даже привстал. Просьба удовлетворена! Но как быть, напомнить ему или нет о своей ссоре с директором МТС или промолчать? А что если заодно сказать все?

— Сомнение у меня имеется насчет Зеленодольской МТС, товарищ секретарь. Ежели директор против, то я... — начал решительно Вершков.

Секретарь обкома осторожно перебил его:

— А почему вы думаете, что ваш директор вредный и злопамятливый? Мне он таким не показался. Вот посмотрите, — он взял со стола голубой телеграфный бланк и протянул Вершкову. — Читайте, читайте, — сказал он, заметив, что тот недоуменно смотрит на телеграмму.

«Приветствуем решение бывшего бригадира тракторной бригады Зеленодольской МТС Василия Вершкова,

вернуться на работу в МТС. Ждем. Директор МТС Зотов, секретарь парторганизации Петренко».

Так вот оно что! Его ждут, а он сомневался и переживал, согласится ли директор на его возвращение. Остается собраться и ехать, не раздумывая больше ни о чем. Буквы телеграммы прыгали перед глазами. Вершков провел ладонью по лбу и поднял на секретаря взволнованное лицо.

— Вы убедились теперь, что были неправы, думая, что ваш директор помнит какое-то зло?

— Я сам был виноват, товарищ секретарь.

— Поезжайте и работайте. Желаю вам всего хорошего.

— Работать я буду, не сомневайтесь. Я ведь долго думал, а раз уж надумал, то прочно. Верьте мне.

— Верю,— секретарь положил руку ему на плечо и проводил его до двери. Уже на пороге, прощаясь, он вдруг спросил:

— А как у вас семья смотрит на ваше решение переехать в деревню? Не возражает?

— Да ничего, все будет в порядке,— твердо сказал Вершков.

VI

Вершкова предлагали отвезти домой на машине, но он отказался и пошел пешком. Разговор с секретарем обкома, телеграмма из МТС и то, что вопрос решился теперь окончательно,— все это взволновало и обрадовало его, но еще не успело улечься, и ему хотелось побыть одному и обдумать все как следует. Была у него и другая забота. Секретарю обкома он хотя и сказал, что с семьей у него будет все в порядке, однако сам не был в этом уверен. Все его разговоры с женой насчет переезда в деревню ни к чему пока не привели. Жена отказывалась, и ее упорство с каждым днем становилось все сильнее. Что делать, как переубедить ее? С какой стороны подойти?— эти вопросы требовали ответа.

Вершков нарочно выбрал окружной путь до заводского поселка, чтобы растянуть время и что-то решить. Но сколько он ни колесил, как ни замедлял шаг, он так ничего и не придумал до самого дома.

Надежда Николаевна перебирала в сарае картошку.

Она хмуро глянула на мужа, когда он вошел, и молча отвернулась, продолжая свое занятие. Вершков сел на перевернутое ведро, закурил. С минуту молчали оба. Потом Вершков не выдержал: спросил с улыбкой:

— Ты что на меня волком смотришь, Надя?

— А как на тебя смотреть?

— Не спрашиваешь, куда мужа на «Победе» возили.

— Да, что спрашивать: по лицу вижу, что своего добился, по-своему все сделал.

— Почему только «по-моему»? Я, кажись, не один, покамест.

— Не один — усмехнулась жена. — Язык еще на такие слова поворачивается. Очень ты с нами считаешься. Да мы для тебя — гроша не стоим ломаного.

— Не сердись, Надя, — сказал Вершков. — Давай кончать всякие наши споры. Ехать надо и точка. Я завтра на завод иду сниматься с работы.

— Иди, я тебя не держу. Только до каких пор нам мотаться с места на место? Не хотела я уезжать из деревни, сам помнишь, ревела: утянул. Сейчас поедem, бросим здесь все, а потом оттуда опять куда-нибудь?

— Больше никуда. Всё. Я слово дал партии.

— Партии? А партия разве с семьей не считается? Нет, она считается, а вот ты... — Надежда Николаевна, закусив губу и наклонилась, утирая кончиком платка слезы:

— Ну, ладно, Надя. Что ты? Смотри вон кто-то идет, — смущенно и примирительно сказал Вершков и приоткрыл дверь. От калитки к сараю, неторопливой стариковской походкой, шел Теренин. Он поздоровался, по привычке слегка приподняв кепку и пряча улыбку в усы, сказал:

— А я к дому было направился, да услышал разговор и повернул. Над чем трудитесь, хозяева? •

— Да так, проводим время, — Вершков неопределенно махнул рукой и, не желая при соседе продолжать разговор с женой, поднялся. — Пойдем в избу, Иван Матвеевич.

— А ничего, я на минутку. Покурить зашел, если угостишь, — ответил Теренин и, шурша брезентовой курткой, сел на порог. Он взял из рук соседа кيسет, свернул цыгарку, и, черпая ею табак со своей закопченной шершавой ладони, спросил:

— Кончается, говоришь, отпуск?

— Уже кончился.

— Быстро, быстро. А я вот подарок старухе несу,— Теренин кивком головы показал на плоскую картонную коробку зажатую подмышкой,— электроплитка особой конструкции, рассчитанная на самое слабое напряжение. Хвалят. Купите, Надежда Николаевна, выгодно и дешево.

— Не до плиток мне сейчас, Иван Матвеевич.

— Что так?

— Будто и не знаете? Надумал-таки благоверный-то мой; в путь дорогу собрался. Полюбуйтесь вон на него,— метнула на мужа сердитый взгляд Надежда Николаевна.

— А что? Мужчина ничего из себя: бравый. Посмотреть можно,— улыбнулся Теренин, выдохнув густой клуб синего дыма.

— Бравый, да не в ту сторону. Велика храбрость — от семьи бежать.

— Это что же, Василий Кузьмич,— заинтересовался старик,— значит, ответили положительно?

— Был у большого начальства. Еду в МТС, согласно просьбе.

— Ну и хорошо. Поздравляю.

— Хорошо-то хорошо, да вроде как не совсем,— вздохнул Вершков и покосился на жену. Теренин понял его:

— Домашняя половина, стало быть против? От того-то у вас и крупный разговор?

— Заговоришь крупно с таким мужем. Иван Матвеевич, вы бы хоть с ним потолковали: ну что ему так загорелось ехать? Ведь кроме него, наверно, на заводе никто и не думает об этом?— с каким-то отчаянием сказала Надежда Николаевна.

— Что же, поговорить можно. Отчего не поговорить? Только, по-моему, правильно поступил Василий Кузьмич. Тянет душа — надо ехать. А что касается завода,— Теренин наморщил лоб,— про весь завод не могу сказать, а в нашем цехе желающие поехать в деревню есть. Трое уже заявления подали. Сам видел.

— Видеть не видели, а скажете так. Оба вы заодно.

— Ничего, Надя, вот поговорим, подумаем и ты согласишься,— желая успокоить жену, сказал Вершков. Но слова его произвели обратное действие. Надежда Нико-

лаевна вдруг резко оттолкнула от себя ведро, темные глаза ее гневно заблестели.

— Да, что мне думать? Я думала и скажу тебе прямо: никуда я отсюда не поеду,— сказала она порывисто и, поднявшись, не проронив больше ни слова, вышла из сарая.

VII

От железной дороги до Зеленодольской МТС добраться можно было только со случайной машиной. Но Вершкову повезло: он сразу встретил попутчика едва слез с поезда. У самого перрона бородатый, благообразный, одетый в черненую борчатку дед заворачивал коней, запряженных в ходок. Пышная седая борода и манера, с которой он как-то особенно прочно и хозяйственно восседал в коробке, показалось Вершкову знакомым. Он задержался и решил спросить: не эмтээсовский ли это кучер Михеич?

Дед оказался им, и сам узнал Вершкова. Он долго тряс ему руку, удивляясь столь неожиданной встрече, и как только узнал, что ему нужно в МТС, охотно предложил подвезти.

...Через полчаса они уже были за станционным поселком, и сытые выездные кони легко несли ходок по дороге, поднимавшейся на пологий увал. Старик выпил в буфете, его разобрало и потянуло на разговор.

Вершков из уважения поддакивал рассуждениям Михеича, но слушал его невнимательно. Он сидел, свесив ноги из коробка, и, щурясь на солнце, с удовольствием поглядывал на поля, покрытые изумрудно-зеленой отавой, на которой, как огромные валуны, были разбросаны стога сена. По сапогам ему били упругие стебли пырея, росшего по обочине дороги, и теплая пыль, поднимаясь из-под колес, щекотала в носу. Слабый ветерок, отдавая едва ощутимый полынный горечью и запахом осенней земли: острым и волнующим. Стояла та особая, прохладная, спокойная тишина, которая располагает к раздумьям и навеивает грусть.

Вершков расстегнул ворот гимнастерки и дышал полной грудью, как будто только что вышел на воздух. Как давно не был он в таких местах и до чего приятно и радостно снова здесь очутиться!

Дорога, обогнув балку, взобралась на самый гребень увала. Далеко впереди, как золотистая каемка горизонта, завиднелись березовые перелески. Вдоль дороги потянулась широкая полоса распаханной земли; огромные пласты, вывороченные плугом, походили на застывшие волны. Здесь уже начинались земли колхозов радиуса Зеленодольской МТС. Вершкову вдруг вспомнилось, как он с бригадой приезжал сюда на прорыв убирать хлеб в дождливую осень 1946 года. Вечером докосили последний гектар, а наутро выпал глубокий снег и больше уже не растаял. Назад пробирались по заваленным снегом полевым дорогам. Именно где-то здесь через видневшиеся вдали леса чуть на целую неделю тащили они с МТС комбайны. Но этого вспаханного массива тогда не было. Земля была поднята недавно.

— Михеич, это Камышловские пашни?— оживленный воспоминаниями, спросил Вершков.

— Их, должно. Они много в этом году наворочали.— Две у них теперь бригады. В одной Торопов, а в другой Костя Коломиец, знаешь, поди его, Егора Коломийца младший сын.

Вершков вспомнил веснушчатого застенчивого паренька, работавшего один год прицепщиком в его бригаде, и подумал, ощутив внезапно какой-то тревожный укол: «Обгоняет нас, стариков, молодежь. И оглянуться не успеешь, как останешься в заднем эшелоне».

— Погоди-ка, Михеич,— попросил он и, легко выпрыгнув из ходка, подошел к пахоте. Вспахано было неважно. Между пластами кое-где торчали желтые щетки ковыля. Чахлый, но все же живой осот, тянул к солнцу свои дымчатозеленые, смятые листья. «Наоставляли бороды черти,» — недовольно поморщился Вершков и пошел вдоль загона, наступая на пласты и стараясь их умять тяжестью своего тела.

Он шагал по пахоте, пока не устал, потом на ходу вскочил в коробок и рукавом отер вспотевший лоб. Михеич, наблюдавший за ним, понимающе кивнул и спросил, бросая на дорогу окуроч:

— Что Кузьмич, знать соскучился по земле? А? Вишь, как мерил ее старательно.

— Есть малость, дед, есть,— охотно отозвался Вершков, свертывая подрагивающими руками цыгарку. Всю остальную дорогу он с интересом расспрашивал об МТС.

И когда из-за полупрозрачной березовой рощицы завиднелась ребристая крыша мастерских, заволновался и с интересом стал поглядывать вперед.

Перед выездом в поселок подтянулся и Михеич. Он вдруг, посуровел, плотнее уместился на сиденье и приподнял руки с вожжами. Разгоряченных коней он оставил с карьера, как заправский лихач, возле самых дверей конторы.

— Во как у нас,— не утерпел прихвастнуть старик,— на машине разве так подкатишь? Да ни в жизнь: тормоса сразу долой. Пожалуйста, Василий Кузьмич, приехали.

Вершков вылез из коробка, оглянулся на затененные тополями окна конторы, и ему на какое-то мгновение представилось, что он никуда не уезжал, а вырвался сюда по делам на часок из тракторной бригады. Вот подыметя сейчас на крылечко и начнет поочередно обход кабинетов; почему-то дел каждый раз набиралось много, и надо было обязательно повидать и директора, и главного инженера, и бухгалтера.

В длинном, таком знакомом коридоре, в котором ни зимой, ни летом не выветривался крепкий запах бензина и табачного дыма, его встретил высокий мужчина в комбинезоне, с тяжелым тракторным поршнем в руках. Он намеревался войти в бухгалтерию и уже взялся за дверную скобку, но, увидев Вершкова, приостановился и смотрел на него с нескрываемым любопытством.

— А ведь это Василий, честное слово. Василий Кузьмич, ты?— спросил он еще не совсем уверенно.

— Я,— ответил Вершков, в свою очередь узнав бригадира тракторной бригады Девяткина, старого дружка, с которым много лет проработал в МТС.

— Василий Кузьмич, да ты откуда свалился?— продолжал удивляться Девяткин, не отпуская из своей цепкой ладони руку Вершкова.

— Решил вот опять за баранку. На старое место.

— Это как же, насовсем или временно?

— Насовсем.

— Здорово. А ну-ка дай я тебя рассмотрю хорошенько, а то не верится,— Девяткин слегка подтолкнул приятеля к свету.— А ты, вроде и не постарел, Василий, на городских-то харчах. Или мне только так кажется?

— Да я что — двадцать лет не был? — рассмеялся

Вершков, обрадованный этой встречей.— Ты вон тоже все такой же и даже ростом не стал ниже.

— Вниз расти пока рановато. А так живу ничего: кручусь, как старая деталь, но не срабатываюсь. Приехал вот с инженером поругаться из-за этой штучки,— показал Девяткин на поршень,— кольца ни к чему не годятся. Второй день трактор стоит, а инженера не дозвешься.

— Бригадиришь, значит, попрежнему?

— Держат пока, не гонят, хотя и стоило и стоило бы за такую нашу работу.

— А что много простаиваете?

— Бывает. Потом расскажу, а сейчас — идем. Людям тебя надо показать. О тебе разговор у нас был недавно, парторг говорил, что ты едешь обратно. Кстати, он сейчас как раз здесь, прямо ему и представишься, потому что другого начальника никого нет,— сказал Девяткин и распахнул перед Вершковым дверь бухгалтерии, залитой розоватым светом закатного солнца.

VIII

На квартиру Вершков устроился к тому самому Михеичу с которым ехал со станции. Старик жил вдвоем с женой в своем домишке и с охотой принял постояльца. Вершков не успел еще как следует осмотреться на новом месте, как к нему один за другим собрались друзья. Первым зашел комбайнер Зубов, односельчанин Вершкова, крепкий, широкоплечий мужчина, с окающим басом. В молодости Зубов отличался необыкновенной силой, играя на удивление всем двухпудовыми гирями, как мячиками. На фронте он потерял правую руку и работал теперь на комбайне с одной левой рукой, в которую, казалось, перешла сила обеих рук. Он так сжал ею ладонь Вершкову, что тот чуть не охнул.

— Ну, Вася, стало быть тебя можно поздравить с приездом,— прогудел комбайнер, обнажая в улыбке белые ровные зубы.

— А ты откуда узнал, про мой приезд?

— Земля слухом полнится. Узун кулак.¹ Девяткина

---

¹ Узун кулак — известие, новость.

сейчас встретил: он мне прямо с хода и сообщил новость. Ну, я сюда сразу, и домой не зашел,— Зубов сунул в уголок сумку, в которой приносил из дому харчи и тяжело опустился на заскрипевший стул.

Через несколько минут пришел Девяткин и принес пол-литра водки.

— Спрыснуть надо приезд,— сказал он, выставляя бутылку на стол.— Да надо побыстрее, пока кто-нибудь еще не завернул на огонек. У тебя, Михеич, огонек что-то очень приветливый сегодня.

Пришли еще несколько человек, все старые приятели и то же по пути с работы. Обрадованный приходом друзей Вершков взялся было за чемодан: достать закуску, какая осталась из дому, но Михеич удержал его:

— Это ты зря, Кузьмич, обижаешь хозяев. К выпивке у нас что-нибудь найдется и так. Подвигайтесь к столу, ребята.

Сели тесным кружком, оставив небольшое место для хлопотавшей у печки хозяйки. Девяткин, разливая водку в стаканчики, сказал:

— Выпьем за приезд Василия Кузьмича, а заодно и за то, чтобы в пол-литре не уменьшалось.

— С тебя больше причитается, чем пол-литра. Награду-то свою ты не обмыл,— сказал с улыбкой Зубов.

Вершков только теперь заметил на борту пиджака у Девяткина рядом с полинявшими орденскими ленточками одну совсем новую, видимо, недавно приколотую.

— Орден получил, Петро? Расскажи,— попросил он и не без зависти подумал: «Вот тебе и Девяткин. Отхватил орден пока я по городам разъезжал.»

— За пшеничку, Василий, получил. Первый раз в жизни. На фронте имел три медали, а тут, понимаешь, орден,— смущенно сказал Девяткин, и его рябое широкоскулое лицо порозовело.

— Выходит, за труд твой дали. Дорогая награда, поздравляю,— Вершков пожал приятелю руку.

— Да, понимаешь, на самом деле, этот орден очень мне иметь приятно. Медали были как-то не так. Или я уже забыл. А тут, так и хочется всем показать,— признался Девяткин и первый опорожнил стаканчик,— мы теперь с тобой, Василий, за героя будем биться? Давай, а? На соревнование!

— Ну, так уж вдруг и за героя. Высоко больно сразу, — усмехнулся Вершков.

— А что? Попробуем. Ты за бригаду слова возьмешься. Вот и будем нажимать.

— Насчет бригады не знаю. Там видно будет. По-забыл я многое, подучиться надо.

— Учиться нужно, — согласился Зубов, — задача вон теперь стоит: овладеть не одной, а двумя-тремя специальностями.

— Вы расскажите, что нового слышно по части нашей МТС? — попросил Вершков.

— Растем, Вася, растем.

— Говорят, МТС расширяется?

— Разочка в два пожалуй. За целину взялись. «Старичка» своего я нынче сдаю в архив. Новые комбайны получаем. Чуешь? — Зубов слегка пристукнул кулаком по столу.

— Придется, видимо, сюда перебраться в поселок, — сказал Девяткин, — дом вот только канителью перевозить. У тебя, как с семьей Василий: в МТС сразу, или опять к тестю?

— Не решил я еще окончательно, где-нибудь устроюсь, — уклончиво ответил Вершков и попытался переменить разговор. Но Девяткин это заметил:

— Ты не убегай от прямого ответа. Что другое, а в отношении местожительства ты должен решить в первую очередь.

— Рад бы, Петро, да не могу.

— Да что стряслось? Уж не разошелся ли ты с женой на старости лет?

— Нет, но положение такое, что не лучше развода. Надо, наверно, просить трактор и тащить ее сюда вместе с домом, — грустно усмехнулся Вершков.

— Бабы это такой народ: без того, чтобы не поартачиться они не могут. Но про твою жинку сроду бы не подумал.

— И я не думал, а получилось.

— Не едет, значит?

— Нет.

— Да, положение серьезное, конечно, — согласился Девяткин.

— Ты не отчаивайся, Вася, — посоветовал Зубов. —

Не такая Надежда у тебя, чтобы от мужа отстать. Подожди, все станет на свое место.

За разговорами и за рюмкой засиделись далеко за полночь. Проводив гостей, Вершков вернулся в комнату, потушил лампу и, закурив, долго сидел у окна, синего от морозных сумерек. От выпитой водки немножко кружилась голова, но спать не хотелось. Встреча с друзьями заставила его задуматься: оказывается положение в МТС далеко не такое, как он полагал. Не все механизаторы разъехались, не все оставили свою специальность. Не побоялись трудностей, работали, получили ордена. Девяткин вон как смело вызвал его на соревнование. Нажимать надо крепко, чтобы выравняться с ним в ряд. А тут еще этот разлад с женой. Дело получалось не шутейное.

Вершков редко ссорился с женой, и эта первая такая серьезная размолвка подействовала на него удручающе.

«Надя, конечно, не девчонка и дело до развода не дойдет, но сколько будет продолжаться эта мучительная неизвестность.

Может быть, он в чем-нибудь неправ, и что-то можно было сделать по-другому? Нет, все правильно. Все на месте, и передумывать больше нечего», — решил про себя Вершков, и, затушив папироску, принялся укладываться спать.

IX

Как нередко бывает на новом месте, Вершков плохо спал и поднялся рано. Оделся, стараясь не потревожить стариков, вышел на улицу. Утренняя морозная свежесть охватила его. Широко и красиво занимался осенний день. Небо за рощей светилось; снизу оно было розовым, затем зеленоватым и, наконец, сверху темносиним, почти черным и по нему, как драгоценные камни по бархату, рассыпаны были крупные сверкающие звезды. На земле, на досках и перилах крыльечка, на крыше — повсюду густо лежал иней.

«Эх, как разукрасило. Зима скоро», — подумал Вершков и, осторожно собрав иней с перил, поднес холодную, влажную ладонь к лицу. Возвращаться в жарко натопленную, душную комнату — не хотелось. Он постоял на крыльечке, потом пересек двор и вышел за ворота. Без

определенной цели, поглядывая по сторонам, медленно зашагал он по спящей улице поселка. Он прошел до конца, потом свернул вправо и очутился возле усадьбы МТС. Невысокая дощатая ограда углом вдавалась в рощу. Забор был выломан в одном месте, доска валялась, отброшенная в сторону, и в ограде паслась коза. Вершков выгнал ее, поднял доску и долго, попавшим под руку болтом, распрямлял ржавые гвозди. Заделав дыру, он пошел вдоль внутренней стороны ограды, высматривая, где бы можно было выбраться наружу. В этом месте обычно стояли комбайны. Сейчас многие из них были уже свезены и составлены в ряд. У некоторых на бункерах алели пятиконечные звездочки. Вершков знал, что звездочки даются за убранный хлеб, и с интересом смотрел на них, переходя от комбайна к комбайну. Его удивило, что почти половину комбайнов составляли самоходные. «Вот она, новая техника, налицо!» — подумал он, осматривая машину со всех сторон. Ему снова вспомнилась орденская ленточка на пиджаке у Девяткина и опять вчерашнее чувство зависти к товарищу и недовольство собой шевельнулось в груди. «Учиться надо тебе, дорогой человек. Нажать во всю силу, иначе не дотянуть до Петра и не только до него,» — нахмурился Вершков.

Он обошел все комбайны и направился к зданию мастерской забыв о том, что хотел выйти за ограду. Мастерская встретила его знакомыми запахами масла и железа. Но вид ее показался ему незнакомым. В просторном монтажном цехе, еще погруженном в редкие сумерки, было тихо и пусто. Сиротливо свисали с потолка цепи балочного крана. Чисто подметенный торцовый пол своим блеском тоже как бы подчеркивал эту пустоту. Удары молотка по металлу доносились откуда-то из малых цехов, расположенных справа и слева от монтажного.

Вершков стал обходить их, заглядывая то в одну, то в другую дверь. Молоток стучал в моторном цехе. Здесь были люди: двое возились с тракторным мотором, установленным на стеллаже, а третий, в тулупе и в валенках, видимо, сторож, стоял рядом и ворчал на них. На Вершкова никто не обратил внимания. Он молча остановился позади сторожа, наблюдая за работавшими. Ремонтники: парень и хрупкого вида девушка в ватных брюках и

такой же куртке, снимали головку блока. Девушка держала ключ, а парень осторожно постукивал по нему молотком. Гайка не поддавалась, ключ то и дело соскакивал, и девушка, закусив губы, терпеливо ставила его на место.

— А вы другим ключом попробуйте, если этот не подходит,— не утерпев, сказал Вершков.

— Во-во,— отозвался старик,— сторож и повернулся назад,— а я им что говорю? Рабочее время еще не настало, в мастерских никого нет и стало быть нечего тут возиться. Так ведь, не слушают, готовы ночевать в цехе.

— Нарушают распорядок?

— Понимаете, товарищ,— тоже увидев Вершкова, принялась объяснять девушка, и ее остроносое измазанное лицо, сделалось сердитым,— пристал чужак, не может уяснить простой вещи, что нам некогда. Мы не можем больше ждать. Затащили нас на ремонт в такое время, когда еще все в поле, и маринуют нас целую неделю.

— Варя,— остановил ее парень,— да что ты распинаешься перед этим дедом, что он понимает? Держи лучше ключ покрепче.

— Я не ему, тут вот товарищ пришел,— ответила девушка.

Парень оглянулся и, насупившись, опустил молоток.

— Ключ почему не перемените?—спросил снова Вершков, подходя ближе. Ремонтники переглянулись.

— Больше нет никакого. Кладовая закрыта,— сказал парень.

— Но так-то ведь нельзя, не идет дело.

— Да мы почти все отвинтили, осталось две гайки.

— Нет, надо что-то придумать, иначе резьбу испортите. Ну-ка, найдите пластинку, миллиметра на два,— распорядился Вершков и взял из рук у девушки ключ.

...С оставшимися болтами провозились довольно долго. Вершков увлекся и даже скинул ватник, чтобы не мешал. Он с удовольствием перебирал холодные отшлифованные внутренности мотора, то и дело ловя себя на приятной мысли, что не забыл ни одной детали и легко их находил.

Поглощенный этим занятием, он и не заметил, что уже совсем светло и в цех пришли рабочие. Сторожа, ворчавшего на ребят, не было, а вместо него стоял, приподнимая в улыбке белесые брови, парторг Петренко.

— А вас хозяин потерял. Жалуется: исчез квартирант и я, грешным делом, поверил, пошел искать,— сказал он, протягивая руку.

— Да вот, помог малость ребятам. Хотя они и сами молодцом.— Вершков отер рукавом пот со лба.

— Жаловались мне на них: покоя сторожу не дают. А теперь, выходит, часть вины и на вас ложится,— рассмеялся парторг, и добавил уже без улыбки, озабоченно наморщив лоб, пересеченный розовой полоской шрама: — между прочим, с ремонтом моторов у нас неважно: людей маловато. Может быть, вы поможете нам, Василий Кузьмич, на этом участке? Отдохнете вот пару дней, оглядитесь.

— Я вроде, как уже огляделся и все осмотрел, товарищ Петренко. И если разрешите, я с сегодняшнего дня приступлю к работе,— сказал Вершков.

Х

После ужина Вершков сел писать письмо домой. Он намеревался только сообщить, что благополучно прибыл на место, но незаметно для себя увлекся, и письмо получилось обстоятельное и длинное. Он подробно написал и о том, как его встретили в МТС, и как устроился на квартире и провел вечер со старыми друзьями, а больше всего о том, как работал первый день. Не забыл даже сообщить о своих помощниках: пареньке и девушке, с которыми разбирал мотор и которые успели понравиться ему своей прямоотой и горячностью. Уже пробегая взглядом написанное, вспомнил, что жене все это сейчас неинтересно и что она, может быть, даже и не захочет читать, но переделывать ничего не стал и заклеил конверт.

Отправив письмо, он попытался убедить себя в том, что долг свой исполнил и теперь может быть спокойным. Но из этого у него ничего не вышло, и он уже со следующего дня стал поджидать ответ. Он высчитал: два-три дня туда и столько же дней обратно. Самое большое — через неделю ответ должен быть. И когда неделя прошла сразу же спросил у хозяйки нет ли письма.

Писем пришло сразу два: из дому и к немалому удивлению Вершкова, от товарищей, с завода. Михеич принес их прямо в цех.

— Не утерпел, обрадовать тебя решил. Вижу ведь, как томишься,— сказал он, доставая из-за пазухи конверты.

Вершков поблагодарил старика, взял письма и отошел с ними к окну. Поборов нетерпение поскорее узнать, что дома, он сначала прочитал письмо с завода, скрепленное целым десятком подписей. Товарищи интересовались, как он работает, делились заводскими новостями, а под конец сообщили, что всем цехом решили изготовить и выслать ему подарок: набор слесарных инструментов. Вершков держал перед глазами коротенькое письмецо, стараясь определить чьей рукой оно написано. Почерк вроде был Виктора Вашенцова, редактора цеховой стенгазеты, и в то же время походил на почерк мастера Степана Петровича Стаценко.

— Ты что это разудыбался, не жена ли порадовала — спросил проходивший мимо Зубов.

— Подарок, брат, скоро получаю. Понял? Вот смотри,— весело отозвался Вершков. Он отдал письмо товарищу и сам осторожно принялся расклеивать второй конверт, надписанный ученическим почерком. На руки ему выскользнул тетрадный листок. Писала дочка: она сообщила, что дома все благополучно, что по алгебре была контрольная работа и она получила пятерку и что Володя сломал лыжи. «Папа, привет тебе от всех нас и еще от бабушки Теренина,— писала она. Он часто заходит к нам и все разговаривает с мамой: убеждает, чтобы она ничего не жалела и переезжала туда где ты. И мы все время ей говорим. У нас в классе все теперь знают, что ты уехал на работу в МТС. Вчера на уроке истории Иван Петрович спросил про тебя. Я сказала. Он поинтересовался, где находится Зеленодольская МТС и где ты работал до этого, а потом сказал: «Хороший у тебя папа, Зина». А у Ады Митрохиной, ты ее знаешь, она приходила к нам, отец инженер, и ему предлагали работать в деревне. Но он отказался, даже в Министерство ездил просить, чтобы его оставили в городе. И об этом в школе тоже узнали, и Ада переживает из-за отца».

Письмо дочери обрадовало Вершкова и прибавило ему уверенности. Он прочитал его дважды и только после этого снова заглянул в конверт в надежде найти там записку от жены. Он даже пошарил пальцами но в конверте ничего больше не было.

Грузовик, тяжело урча, поднялся на пригорок, миновал, выступавшие из-под земли серые зубчатые камни, и село сразу стало видно, как на ладони. Оно лежало в низине, окаймленной лесом, вытянувшись двумя своими улицами вдоль речки. Вот уже показалась мельница, сторожившая въезд в улицу, забелели приземистые строения молочнотоварной фермы.

Придерживая срываемый ветром платок, Надежда Николаевна выглядывала из-за кабины, стараясь издали разглядеть родительский дом. Он хорошо был виден с этого пригорка по группе тополей, росших на огороде. Неужели они засохли, и отец вырубил их? В детстве, возвращаясь с пашни, ребяташки соскакивали с подвода и наперегонки бежали к камням, в нетерпении поскорее увидеть каждый свой дом. Надежда Николаевна всегда в таких случаях обгоняла старшего братишку, сильного, но не умевшего бегать и первая запыхавшись, с торжеством взбегала на бугор. Ей каждый раз казалось, что она долго-долго не была в селе, хотя редко отлучалась из дому больше чем на неделю. А теперь едет сюда через целых пять лет.

Село изменилось, и Надежда Николаевна сразу это заметила. В центре, неподалеку от школы, поблескивала крыша какого-то нового большого здания, второе здание, с высокой железной трубой, стояло возле речки. На молочнотоварной ферме, мимо которой шла машина, тоже что-то виднелось подстроенное и желтели на солнце свежие бревна. Большой, истоптанный коровами двор фермы был пуст. Стадо еще не вернулось с пастбища. Только у домика, где помещалась сепараторная, стояли две женщины в халатах. Надежде Николаевне хотелось разглядеть их, но машина свернула в улицу, и ферма осталась позади.

Отцовский домик с тополями на задах Надежда Николаевна чуть не проехала и нетерпеливо застучала кулаком по кабине. Она спрыгнула на дорогу, забрала узелок с гостинцами и, с волнением поглядывая на затененные разросшимися акациями маленькие окошки, пошла к дому. В воротах ей встретился отец. Старик выводил за повод со двора лошадь: в ходке на сене лежал тулуп и ружье. Увидев дочь, он остановился, удив-

ленно посмотрел на нее, и седые, обкуренные усы его дрогнули:

— Никак, Надя? Как это ты надумала, дочка?

Надежда Николаевна уткнулась лицом в его плечо, забыв, что ни отец, ни мать ничего еще не знают о ее ссоре с Василием, сказала:

— Приехала, тятя, узнать, что тут мой старый чорт делает.

...В МТС она пошла пешком на следующий же день. Ночью пролил дождь, дорога размокла, и ноги разъезжались по грязи. Надежда Николаевна шла обочиной, не обращая внимания на высокую мокрую траву, хлеставшую по коленям. Всю дорогу она обдумывала предстоящий разговор с мужем. Отцу она сказала правду: она действительно приехала посмотреть, как устроился Василий и попытаться в последний раз уговорить его вернуться в город. Она хорошо знала мужа и особенно не надеялась на то, что он изменит свое решение, но с каким-то упорством держалась за эту единственно оставшуюся возможность поговорить с ним. А вдруг ему не понравится в МТС, вдруг снова не поладит с директором? Правда, в письме он писал, что все хорошо и всем доволен. Но это вначале. Он даже еще и директора не видел и неизвестно, какой будет эта встреча. Нет, поговорить надо, и надо убедить его. Только бы узнать чем он недоволен.

Перед самой МТС, в роще, Надежда Николаевна соскребла грязь с ботинок и привела себя в порядок, даже глянула в маленькое зеркальце. Решила так: до вечера пробыть у подруги — жены комбайнера Зубова, а потом пойти на квартиру к мужу. Но вышло все по-другому.

Зубовы жили в центре поселка. Выйдя из рощи, Надежда Николаевна пошла по тропинке вдоль ограды МТС. На просторном дворе усадьбы было шумно и оживленно: гудели машины, звенел металл и перекликались люди. В распахнутые настежь ворота выезжал гусеничный трактор с целым составом плугов, сеялок и тележек, груженных бочками из-под горючего. Выезжать было неудобно: мостик через канаву у самых ворот был узкий, точно сделан нарочно с целью проверки умения водителя. Шаткий мостик, видимо, смутил тракториста. Дизель остановился: из кабины высунулся чумазый па-

ренок в кепке козырьком назад и нерешительно и опасно поглядел сначала на мостик, потом на состав, который вез. Ему что-то крикнули сзади: он махнул рукой и включил скорость. Плуги и сеялки прошли благополучно, но следовавшая за ними тележка стала вкось и одно ее колесо съехало с мостика. Трактор дернулся и заглох, и паренок снова показался из кабины: вид у него был растерянный.

Надежда Николаевна хотела обойти состав, но в это время в воротах показался широкоплечий человек в гимнастерке и она невольно отпрянула к забору, стараясь остаться незамеченной. Это был Василий. Вершков подошел к трактору, что-то сказал водителю, потом вскочил в кабину и, не закрывая дверцы, поглядывая назад, на тележку, стал подавать команду: «Давай, трогай! Так, так, левее, еще чуть-чуть левее!» Лицо его, с мазутной полосой на щеке, светилось решительностью и задором волосы, выбившиеся из-под сдвинутой на затылок шапки, трепал ветер. И весь он сам выглядел непривычно подвижным и даже, казалось, помолодел. «Простынет в одной рубашке, разделся, как маленький»,— озабоченно подумала Надежда Николаевна. Она стояла, не без тревоги наблюдая и за мужем и за колесом тележки, которое продолжало скользить с мостика. «Василий, да ты позови людей, подложите что-нибудь под колесо»,— чуть не вырвалось у ней. Но Вершков снова скомандовал, тележка качнулась выпрямилась, и колесо ее, шаркнув о конец бревна, мягко соскочило на землю уже по другую сторону канавы.

Через минуту трактор со всем своим составом был на середине двора, а Вершков, выскочив из кабины, шагал рядом и куда-то показывал трактористу рукой. А на мостик взбирался другой трактор с целой вереницей прицепного инвентаря. Но Надежда Николаевна уже не обращала внимания. Прижавшись щекой к шершавой доске забора, она смотрела мужу вслед и чувствовала, как усталость, которую она не замечала дорогой овладевает ею все больше и больше.

Вскоре она ушла из МТС, не отдохнув и даже не побывав у подруги.

Утром мать ушла к младшей дочери, отец был на ферме и Надежда Николаевна осталась в доме одна: подмела полы, перемыла посуду и когда делать стало нечего в раздумье присела к окну. Ночь она провела почти без сна, и теперь шумело в голове и от вчерашней многокилометровой ходьбы болели ноги.

В доме стояла тишина, нарушаемая только глуховатым постукиванием старинных часов, висевших в горнице. Мысли не дававшие Надежде Николаевне заснуть, овладели ею снова. Зачем она приехала сюда? Бросила ребят, дом и третий день проводит без толку. Сидит вот, сложа руки, а ребяташки сейчас собираются в школу и, наверно, ничего не ели. И квартиру оставят без присмотра, чего доброго еще и закрыть позабудут. Случись что-нибудь — во всем будет виновата она сама. Вздумала поехать, отговаривать мужа после времени...

Надежда Николаевна в который уже раз вспомнила сцену у ворот МТС, вспомнила мужа по-мальчишески увлеченного работой, и тяжело вздохнула. Да разве его отговоришь, разве он вернется? Правильно она сделала, что ушла, не поговорив с ним. О чем говорить? Сказать, что на письмо не ответила, а вместо этого приехала сама? Зачем? Нет, делать тут больше нечего, надо возвращаться домой. Хоть бы мать с отцом что-нибудь посоветовали. А то, как сговорились: мать только охает да просит не ссориться, а отец тот вообще молчит. Как будто его не касается. И ни тот, ни другой словом не обмолвились про Василия: прав он или нет.

Надежда Николаевна подняла шпингалеты и осторожно толкнула створку. С улицы пахло морозной свежестью. Утро было тихое и ясное, на светлом небе едва проступали полоски облаков. Из-за крыши соседнего дома медленно всплывало большое багровое солнце. Со стороны школы донесся звон колокольчика: начинались уроки, потом совсем близко над самым палисадником застучала бричка, и женский голос: окликнул:

— Эй, хозяйева, бабушка Прасковья, Надя, не спите?

Надежда Николаевна оглянулась. По улице, на бричке, запряженной пятнистыми, круторогими быками, ехала соседка Фрося Данчева, молодая женщина со смуглым красивым лицом. Она сидела поверх дробин, свесив но-

ги в больших кирзовых сапогах и помахивая хворостинной. В бричке лежал бастрык, железные вилы и грабли. За первой подводой, чуть приотстав, шло еще несколько бричек, и женщины на них громко переговаривались и смеялись.

— Фрося,— обрадовалась Надежда Николаевна,— куда это ты собралась?

— За сеном. Поедем с нами.

— А далеко?

— Да где понравится, там и остановимся. Можно на Моховое. Погода сегодня замечательная: не пожалеешь.

Моховое! Надежда Николаевна отчетливо представила дорогу туда, за двенадцать километров, идущую через леса. В самом деле, а если поехать? Все же лучше, чем целый день сидеть одной в пустом доме.

— Фрося, подожди меня,— решила вдруг Надежда Николаевна. Закрывает окно, быстро оделась и, подвязывая на ходу шаль, выбежала на улицу.

Фрося, увидев ее, готовую ехать, удивленно спросила:

— Ты и впрямь собралась? — а я сказала нарочно.

— Съезжу, хоть знакомые места посмотрю,— ответила Надежда Николаевна, взобравшись на бричку и усаживаясь на дробину.— Что это у тебя за бабья гвардия? Некому что ли, больше за сеном поехать?

— Так ведь у нас как в колхозе: мужчины все начальники бригады, да командиры. Кому же ездить?

— Прежние, значит, порядки?

— Ломают их, эти порядки, да не все еще сломали. Но дойдет очередь,— Фрося махнула на быков хворостинной.— Но, милые, цоб-цобе.

Выехали за село. Дорога сначала шла вдоль крутого глинистого берега речки, сильно обмелевшей к осени, потом повернула к плотине. Фрося слезла с брички и под гору повела быков за налыгач. Надежда Николаевна сидела ухватившись за поперечники дробин и с трепетным чувством любопытства смотрела на поблескивающий внизу пруд и замшелую крышу мельницы, приткнувшуюся к плотине. Шумела вода, падавшая на мельничные колеса, и в воздухе трепетали чуть различимой радугой мириады мелких брызг. Вода у самой плотины замерзла: острые иголки льда вонзились в земляной берег, как стеклянные стрелы. Надежда Николаевна вспомнила, как она боялась переезжать плотину, будучи девушкой,

когда еще возила молоко с колхозной фермы. И один раз на самом деле едва не свалилась в воду вместе с телегой и бидонами из-за этой своей боязни. Лошадка была пугливая и шарахнулась, услышав шум воды. Помог Василий. Он приезжал молоть и в этот момент случайно оказался поблизости. Вершков схватился за колесо и не дал ему съехать с плотины, а ей показалось, что он хочет столкнуть воз и она даже поругалась с ним, правда, уже на берегу.

Кажется, с этого и началась у них дружба. Правда, Вершкова она знала и раньше, но ничего в нем не находила особенного: только чуб да голубые глаза. А после случая у мельницы все переменялось: куда-то девалось ее равнодушие.

Надежда Николаевна улыбнулась и подумала, что вот уже едет полчаса с подругой и говорит совсем о другом, а в мыслях у самой все время стоит Василий. И то ли от сознания этого, то ли от того, что кругом все знакомо и день такой хороший и теплый она повеселела и, спрыгнув с брички, сбежала к плотине.

За речкой, когда уже выехали из-под горы и Надежда Николаевна, запыхавшись, взобралась снова на бричку, Фрося предложила:

— Споем, Надюша, пусть быки потихоньку идут,— и, не дожидаясь согласия, запела глуховатым, бархатным голосом, откинувшись на борт брички и опустив в задумчивости красивые темные ресницы. Надежда Николаевна подождала пока она пропела первую половину куплета, и затем осторожно вплела свой голос, подхватив и подняв высоко вверх как бы затухающие звуки фросиново го голоса. Услышав песню, с идущих позади бричек стали перебегать женщины и присоединяться к хору.

На Моховое доехали часа через три. Пока Фрося ставила бричку к стогу и распрягала быков, Надежда Николаевна пошла побродить по лесу. Места все были памятные. Где-то недалеко отсюда стояла ферма, и она сколько раз ходила, может быть даже по этой поляне дойти коров: шла напрямик через прохладную чащу и о пустой подошник со звоном ударяли ветки. Сейчас лес стоял обнаженный, прозрачный. У подножья деревьев горящими угольями пламенел шиповник. Пахло опавшими листьями, солнцем и березовой корой. Паутины, уже покинутые своими обитателями, висели на сучьях, как се-

ребряные сети. А сквозь переплет ветвей глядело высокое бледносинее небо. В этом году стояла сухая, хорошая осень. Но Надежда Николаевна как-то не замечала этого. Каждое утро, вставая раньше всех, она выглядывала в окно или даже выходила на крылечко: смотреть какая погода и в чем отправлять детей в школу. Но никогда не видела и как восходит солнце и какое это прекрасное зрелище. А в лесу она вообще ни разу не была, пока живет в городе, и теперь попав в него, с какой-то особой силой почувствовала снова всю его красоту и очарование. Осенний лес! Сколько разных раздумий вызывает он. Как хорошо быть в нем!

Надежда Николаевна тихо шла между берез, отводя руками встречавшиеся на пути ветки. У самого выхода на поляну, где остановились подводы, ее встретила Фрося.

— Куда ты запропастилась? Я уже решила пойти искать тебя,— сказала она, пробираясь напрямик через кусты шиповника.

— Смотри, Фрося, какой лес. Какая красота,— Надежда Николаевна с восхищением повела вокруг себя взглядом.

— Это ты смотри. Я-то каждый день вижу. А ты в городе, наверно, соскучилась по этим местам.

— Хорошо. Очень хорошо. Так бы тут и стояла, с места бы не сдвинулась,— снова повторила Надежда Николаевна и глубоко вздохнула.

— Здесь что, ты бы в Зеленом бору побывала. Вот благодать-то: не наглядись, не надышишься,— сказала Фрося... Я прошлым летом за груздями туда ходила. Набрала корзинку, и уходить не хочется. Слышу: меня зовут, а я присела возле родничка и не отзываюсь, притворилась, что ничего не чувю. Уж такой этот родничок светлый да холодный, журчит из-под корней, как будто льдинки со звоном падают. А кругом сосны, аж темно. Да ты, поди, помнишь те места, в войну мы туда за дровами с тобой ездили. У тебя еще колесо на обратном пути сломалось.

— Это когда лесник нас гонял, сучья не разрешал брать? — рассмеялась Надежда Николаевна.

— Вот-вот. Не позабыла, оказывается?

— Ничего я не забыла, Фрося, все помню,— Надежда

Николаевна обняла подругу за плечи.— Ну, пошли: отстанем мы от попутчиков со своими разговорами.

Женщины уже начали накладывать брички. Верхушки стога похожего на огромную рыжую папаху, была разворочена и на ней копошились с вилами двое девчат. Они замахали сверху увидев Фросю:

— Ефросинья Ивановна, ждем.

— И впрямь обогнали нас с тобой,— озабоченно сказала Фрося.

— А мы догоним. Дай-ка мне вилы,— решительно заявила Надежда Николаевна. Она быстро как-то вся подтянувшись, и загоревшись молодым задором, взобралась сначала на бричку, а там, помогая себе вилами, поднялась и перепрыгнула на упругую кромку стога.

— Принимай Фрося,— крикнула она, поднимая на вилы слежавшийся пласт сена. В лицо ей пахло настоящим сухих трав, сразу напомнившим лето, сенокос. Хрупкая ветка клубники с красными сплюснутыми ягодками упала на щеку.

— Ну, девчата, на соревнование что ли?— весело сказала Надежда Николаевна, сбрасывая вниз целых полкопны и завалив Фросю, стоящую в бричке наготове с граблями в руках.

Сено наложили очень быстро. Весело затягивали веревками воза. Как ни торопились, а обратно тронулись, когда уже начало вечереть. За лесами ярко пылал багровый закат. В воздухе посвежело. Надежда Николаевна натянула на себя ватник. Она лежала на спине, заложив за голову ноющие от напряжения руки. С непривычки побаливала спина и легкая истома стояла во всем теле. Но, странно, эта усталость не беспокоила ее. Наоборот от этого как-то было легко на душе. Надежда Николаевна улыбнулась, с удовольствием подумав, что все-таки обогнала девчат и раньше их наложила воз, и посмотрела в густосинее, темнеющее небо. На минутку ей показалось, что она не едет, а плывет в этом небе и необъяснимое волнение охватило Надежду.

— Надя, ты не заснула? — спросила Фрося. Она сидела рядом и рылась в сумке.— Давай закусим. У меня еще тут осталось немного хлеба. Ну, и ворочаешь ты вилами. В снохи бы тебя в какую-нибудь ленивую семью: покоя бы никому не дала.

— Так мы на молотье работали в тридцатом году,

помнишь? Целых две недели. Я иногда вспоминаю: не верится. Откуда только силы брались.— Улыбнулась Надежда Николаевна.

— Молодость. Варвара-то, сердится, разожгла ты ее сегодня, смотри,— оглянулась Фрося на идущую позади бричку.

— Фрося, ты мне так и не сказала, как хоть дела-то у вас на ферме. Кто моих коров доит? — после паузы спросила Надежда Николаевна.

— Доярок, их человека четыре сменилось не меньше. Сейчас вроде Нюся Шевелева за ними закреплена.

— А Седуха как, жива-здорова? Сколько сейчас от нее надаивают?

— Жалуются что-то на нее Нюся: удой она сбавила.

— Почему?

— Не знаю. Да ты приди, посмотришь сама. Хочешь, я зайду за тобой завтра,— предложила. Фрося.

XII

На следующее утро Фрося, как обещала, зашла за Надеждой Николаевной и они вместе пошли на ферму. Было еще рано и там как раз доили коров. За изгородью денника в пасмурной мгле мычали коровы, звенели ведра и переговаривались доярки. Из молочной доносилось мерное гуденье сепаратора: казалось жужжит гигантская пчела. У ворот стояли дроги, запряженные парой лошадей, и двое девушек ставили на них тяжелые фляги. «На маслозавод повезут,» — подумала Надежда Николаевна, проходя вслед за Фросей во двор. На какой-то миг ей показалось, что она спешит на работу и ее вот-вот встретит ворчливый и нудный старик Королев — зав. фермой и станет выговаривать за опоздание. Мысль об опоздании к началу дойки была такой ощутимой, что Надежда Николаевна даже испытала неловкость, как будто Королев и все, что происходило на ферме попрежнему имело к ней какое-то отношение.

Королев такой же, как прежде взъерошенный, сгорбленный, с седой шетиной бороды, стоял возле приемницы молока и, помахивая записной книжкой, что-то сердито ей выговаривал. Влажный дождевик топорщился на его сутулых плечах, капюшон торчал за спиной коробом, делая голову его в старенькой кепчонке маленькой и по-

птичьей юркой. Старик обернулся, когда Надежда Николаевна подошла и поздоровалась с ним, и глянул поверх съехавших на нос очков.

— Кто это? Неужели, Надя? Не заметил как и появилась. Откуда ты вынырнула?

— Из тумана, Павел Афанасьевич. Туман-то какой, не мудрено и не заметить,— рассмеялась Надежда Николаевна, протягивая старику руку.

— Осень, оттого и туман. Дождей вот не было: это плохо,— проговорил Королев, немножко смущенный крепким рукопожатием Надежды Николаевны.— Ну ты что же — в гости к нам? Надумала таки показаться, за три дня.

— А если насовсем, не возьмете?

— Тогда не отпускал: уехала, а теперь, если даже и проситься будешь—не возьму. Конечно, подумать можно, как исключение. Может, что и выйдет по старой дружбе.

— Поинтересоваться я зашла, Павел Афанасьевич. Посмотреть, как живете.

— Живем помаленьку. Ничего. А ты это как — из любопытства только или остался какой-то червячок в душе?

— Душу, даже у себя не сразу поймешь. Не знаю,— вздохнула Надежда Николаевна.

— Это так,— согласился Королев и встрепенулся,— что же тебе показать, Надя? Пойдем в денник. Девчата сейчас доят. Задержались мы сегодня чуток, совсем хотели не выгонять стадо, да потом передумали: пусть еще походят денек-два на подножном. Зима-то, ох, долгая.

— Нюся Шевелева здесь? Говорят, она моих коров доит? — спросила Надежда Николаевна.

— Те коровы не все сохранились. Трех на мясо забрили: состарились, одну — продали. Но остальных, кажется, доит она. Сейчас узнаем.

Нюся Шевелева, полная молодая девушка с большими стеснительными глазами доила крупную дымчато-белую корову, сидя перед ней на низеньком стульчике. Корова была привязана за рога к изгороди; крутила мордой и тревожно переступала с ноги на ноги, отодвигаясь от доярки.

— Да стой же ты, господи! Не можешь постоять минуточку, горе ты мое горькое,— крикнула девушка, и в голосе ее послышалось отчаяние.

— Подожди, Нюра,— Королев, ласково тронул ее за плечо. Девушка обернулась.

— Зря ты шикаешь на нее, зря. Спокойнее надо.

— Павел Афанасьевич, да ведь невозможно доить. Она же чуть снова молоко не разлила. Как даст ногой по ведру.

— Может, не надо привязывать?

— Пробовала я: еще хуже. Больше не знаю что и делать. Не буду я доить ее, Павел Афанасьевич, что хотите. Вожусь с ней целый час, а потом сами скажете — отстаю.

— Скажу обязательно, а как же? А ты духом не падай. Такая дивчина—и руки опустила? Не похоже на тебя. Вот одна из твоих коров,— повернулся Королев к Надежде Николаевне.— Узнаешь, нет? Слышишь, какие жалобы?

Надежда Николаевна внимательно разглядывала корову. Да ведь это «Седуха»! Ну, конечно, она. Как она изменилась. Похудела, старая стала.

— Что с ней случилось, Павел Афанасьевич?

— Сами не знаем. С весны нынче нрав у ней переменялся. Да этого Мариша доила ее — ничего. А после нее вторая доярка и никак не клеится. Мы уже подумываем не расстаться ли нам с ней, жалко, телят хороших приносит.

— Да, что же такое? Помните, какая она была спокойная?

— Возраст, видимо, сказывается. У людей тоже ведь, как говорится: седина в голову, бес в ребро,— пошутил Королев без улыбки.

— Нюся, а ты ее не дергаешь? — озабоченно спросила Надежда Николаевна.

— Что вы, я осторожно. Вот посмотрите.— Девушка взялась за соски, намереваясь показать как она доит, но Седуха дернулась и ударила ногой в подойник. Ведро отлетело в сторону и опрокинулось: по истоптанной копытами земле потекли белопенные ручейки молока.

Нюся испуганно вскочила и заплакала:

— Вот видите, Павел Афанасьевич.

— Да-а,— протянул Королев, сердито поглядывая на корову. Седуха стояла, натянув веревку и, нервно подрагивая, косила на людей налитый кровью дикий глаз.

— Все, на сегодня отдоилась.

— Павел Афанасьевич, разрешите я попробую,— решилась вдруг Надежда Николаевна.

— Стоит ли?

— Попробую, дайте мне халат.

— Не зашибла бы она тебя. Ступай, Нюра, принеси, — распорядился Королев.

Пока девушка бегала за халатом, Надежда Николаевна, подобрала подойник, и подошла к корове. Седуха шумно задышала и отодвинулась к ограде, не переставая пугливо и затравленно косить кровавым глазом.

— Седуха, старушка моя милая, успокойся. Ну что ты дрожишь? — проговорила Надежда Николаевна, проведя ладонью по теплой коровьей морде. «Узнает или нет?» — с тревогой подумала она, продолжая гладить корову и называя ее разными ласковыми именами. И Седуха, точно поняв ее, перестала вдруг рваться с привязи, откнулась мордой ей в грудь, шумно и настороженно обнюхивая. Потом лизнула ей руку горячим шершавым языком и когда женщина поцарапала ей морду снизу, доверчиво вытянула шею в ожидании привычной ласки. Узнала! Вспомнила через столько лет.

Что-то щекочущее и приятное подступило к глазам. Надежда Николаевна, чтобы не выдать своего волнения, взяла халат и, отвернувшись, торопливо стала надевать его.

— Нюся, отвяжи ее,— попросила она девушку, садясь на стульчик и подвигая подойник.— Она будет стоять.

Седуха стояла, только вздрагивала и все время пока ее доили, оглядывалась назад, словно хотела убедиться, что ее доит именно та кому она поддалась, и никто другой. А Надежда Николаевна, едва взялась за соски, сразу все поняла: вымя у Седухи было твердое, соски набрякли и огрубели. Ее не выдаивали. Не выдаивали много дней подряд, и малейшее прикосновение к воспаленному вымени — вызывало боль. И это произошло потому что ни Нюся Шевелева, ни другие доярки, видимо, не знали особенностей этой коровы. Седуху надо было доить смело и с силой надавливать на соски.

— Нюся, ты будь с ней посмелее, ласкай побольше и еще она любит есть во время дойки. Хоть немножко чего-нибудь,— сказала Надежда Николаевна, передавая

изумленной девушке подойник, наполовину наполненный молоком.

Вечером она снова пришла на ферму.

XIV

Выпавший ночью пушистый глубокий снег надежно прикрыл кочковатую, избитую машинами дорогу, бурюю траву, росшую вдоль забора, шапками лежал на крышах домов. Ветки акаций в палисаднике поникли под тяжестью снега. Даже на кончиках электрических столбов, выстроившихся вдоль улицы, лежали снежные пирамидки. Над крышами, в морозном позолоченном солнцем воздуха, неподвижно вздымались столбы дыма.

У ворот стояла лошадь, запряженная в кошевку. Отец, одетый по-зимнему, в полушубок и валенки, нес со двора охапку сена. «За мной, ехать надо», — вспомнила Надежда Николаевна и сразу как-то потеряла интерес к наступившей зиме и пала духом. Вот и все: побывала несколько дней в родных местах и назад. А зачем приезжала, что сделала — неизвестно. Только растравила душу. И как будто ничего не было: ни хождения в грязи в МТС, ни поездки с Фросей за сеном на Моховое, ни возни с Седухой. Все прошло как во сне.

Она вдруг подумала, что дома теперь тоже все завалено снегом, а ребята не догадываются очистить тротуар, и ворчливая женщина — домоуправ будет недовольна. Вспомнила, как светло и уютно бывало в их доме, в поселке, когда на улице снег и сама удивилась, что подумала об этом как-то спокойно, без обычного чувства радости и довольства.

Надежда Николаевна попыталась перенестись мыслями к своей квартире, думать о ней, и вместо этого вспомнила Василия, как он счастливый и довольный, размашисто шагал через усадьбу МТС, вспомнила Фросю, Ньюсю Шевелеву, старика Королева и других колхозников, с которыми встречалась в эти дни. Ей захотелось пойти на улицу и пойти напрямик без дороги, по снегу, утопая в нем по колено, чтобы мороз щипал лицо и надо было тереть его холодной, шершавой варежкой. Захотелось опять поехать в поле, за сеном или войти в полутемный, пахнувший сеном и молоком, коровник.

Где-то теперь Василий!? Наверно, шагает сейчас по

морозцу, направляясь в мастерские, дышит полной грудью и щурит глаза на солнце; родные, добрые глаза в паутинке морщинок. И, конечно, не позавтракал. Выпил по привычке стакан чаю и до обеда будет мучить себя табаком. А позаботиться некому. Была бы она сама, разве бы она отпустила его голодным?

Расстроившись от этих мыслей, Надежда Николаевна отошла от окна и стала поспешно одеваться. На кухню, где мать хлопотала у печки, вышла она невеселая. И завтракала почти молча, коротко отвечая на вопросы. Впрочем, больше всего обращалась к ней пятилетняя племянница. Отец с матерью продолжали молчать, как воды в рот набрали. Только когда уже встали из-за стола, мать, засовывая в мешок гостинцы внучатам, сказала, не вытерпев:

— А, может, помешкаешь с отъездом, Надя? Это как же ты терпенье такого набралась: уехать и не повидаться с мужем? Отец бы съездил за ним, ежели сама не можешь. Далеко ли тут?

Но отец сердито прищыкнул на нее.

— Перестань. Чего ты уговариваешь, маленькая она что ли? Сама знает, как поступить. Давай собирайся, Надежда, нечего зря время тратить на пустяшные разговоры!

Надежда Николаевна как-то даже вздрогнула от этих слов. Отец говорил таким тоном только в том случае, если ему, по должности кучера, приходилось отвозить какого-нибудь особенно неприятного пассажира. «Давай собирайся», — было своего рода оценкой человека, который ему не нравился и на разговоры с которым старик не хотел тратить слов. Неужели и она в его представлении такая же, не стоящая внимания? Поторапливает, гонит из дому. За что? «Да мне самой тяжело, неужели ты не видишь?» — чуть не вырвалось у ней, но она сдержалась и, делая усилие, чтобы не расплакаться, молча стала одеваться.

Садясь в кошевку, она с грустью оглянулась кругом и вздохнула. Отец заметил этот ее вздох и уже не сердито, с ворчливой лаской, сказал:

— Может, и вправду останешься? А за Василием я съезжу, все равно лошадь туда гнать: агронома везти.

Надежда Николаевна на секунду зажмурилась и в изнеможении откинулась на спинку кошевки. Остаться!

Вылезти из кошевки и пойти в дом, а отец пусть едет. К вечеру Василий будет здесь. И все. Но перед глазами встала знакомая улица заводского поселка, с магазином за полквартала, с молоденькими деревцами вдоль тротуаров, встали залитые солнцем просторные комнаты квартиры, никелированный край водопровода, кафельная плитка, на которой так удобно готовить. Остаться — значит все бросить, отказаться от всего?

Усилием воли, Надежда Николаевна овладела собой, но все еще расстроенная и готовая заплакать, нетерпеливо сказала, смахнув варежкой слезинку.

— Да, что там, трогай, тятя, раз уж сели.

XV

Вершков был еще в цехе, хотя смена уже кончилась, когда его позвали к парторгу. Он нетерпеливо сложил инструмент, обтер паклей руки и, накинув на плечи полушубок, вышел из мастерских. Вызов к парторгу озадачил его. Зачем он ему понадобился? Петренко днем несколько раз заходил в цех, видел его и ничего не говорил. И что за вопрос возник у него вдруг?

Думая об этом, Вершков пересек двор, загроможденный кучами собранного, но еще не вывезенного снега и поднялся на крылечко конторы. На крыльце, раскуривая папироску, стоял Девяткин.

— Куда, торопишься, Вася? — спросил он, бросая под ноги потухшую спичку.

— Парторг что-то вызывает. Не слышал зачем?

— Этого не знаю, а вот, ежели интересуешься, новости могу сообщить.

— Что за новость?

— Сам слышал, как инженер по телефону разговаривал: техника, брат, к нам идет—трактора. В большом количестве.

— Откуда?

— С завода, конечно. Завтра приказано выехать на станцию за получением. Двадцать штук ДТ-54. Понял?

— Что ты говоришь? Вот это крепко. Может, и нам с тобой кое-что перепадет, а?— оживился Вершков.

— Вполне возможно. А скорее всего будут новые бригады создаваться: целину кромсать.

— Значит, дело на разворот идет?

— Вот именно, к тому.

— Хорошо. Ну, а еще чем порадуешь? Ты сказал: новости. Стало быть не одна.

— Иди, иди, там узнаешь,— усмехнулся Девяткин и как-то загадочно прищурился.

«Черт долговязый, таит что-то,» — подумал Вершков, открывая дверь в кабинет парторга.

Петренко, стоял у стола, спиной к окошку, заложив по привычке руки за ремень гимнастерки.

— Заходи, заходи, Василий Кузьмич,— сказал он, увидев Вершкова. Сняв шапку и покосившись на свои обтянутые резиной грязные валенки, Вершков вошел и остановился у порога.

— Присаживайся,— парторг пододвинул ему стул.— Ну как закончили с мотором от восьмерки или еще на завтра осталось?

— Готово. Можно на место ставить. Сергей Иванович, звали меня? — спросил Вершков.

— Звал,— кивнул Петренко и так же, как и Девяткин, в улыбке прищурил глаза.

«Да что ни сговорились в усмешки играть,» — подумал Вершков и оглянулся, почувствовав присутствие постороннего. На диване, положив на колени свернутую большую шаль, сидела жена. Его жена! И не сердитая, какой он ее запомнил перед отъездом, а смущенная и тихая, с покрасневшимися от холода похудевшим лицом. И сидела она как-то очень покорно и скромно на краешке дивана, без всякой воинственности, знакомая и приятная, как всегда.

— Надя? — удивленно и растерянно спросил Вершков, с трудом сдерживая волнение и чувствуя частые, горячие удары сердца. Он хотел обнять ее, но вспомнил, что они здесь не одни, смутился от своего намерения и только протянул темную от вѣвшего масла ладонь.

— Ты что, Надя?

— Приехала вот звать тебя к нашим; баню истопили,— сказала Надежда Николаевна, опустив глаза.

— Давно ты здесь? С кем приехала?

— С тятей мы на лошади. Ждем тебя сколько времени. Спасибо Сергей Иванович вызвал.— Она кивнула в сторону стоявшего возле окна Петренко, потом взглянула на мужа и снова склонилась. Вершков лишь на один миг встретился с ее взглядом, но и этого оказалось дос-

таточно, и он понял, что жена приехала насовсем, переборола себя и согласилась. Теплое чувство к ней, гордость за нее овладело им, он сел рядом с ней на диван, не выпуская ее ладоней из своих рук.

— Неожиданно вы нагрянули.— Сказал он готовый вскочить и прыгать от радости.— Ребятишки как, здоровы?

— Оставила я их пока. Как-нибудь обойдутся одни до каникул,— со вздохом сказала Надежда Николаевна, и вдруг подняла большие, темные глаза на мужа и рассмеялась. — Что ты, руку-то мою ухватил, как маленький, Сергея Ивановича хоть бы постеснялся.

— Это от избытка чувств, Надя. Забылся. Рад очень. Сергей Иванович,— обратился Вершков к парторгу,— давай ко мне на магарыч. Честное слово. По старому обычаю: кто первый встретится того и в дом. В честь перемирия.

— Но какое это перемирие. Ты не радуйся особенно. Я ведь и передумать могу: возьму и уеду, — притворно нахмурилась Надежда Николаевна.

— Не передумает она, не бойтесь,— улыбнулся Петренко,— между прочим, Василий Кузьмич, жинка твоя второй раз сюда приходит. Я уж выдам секрет. Не утерплю. Была вроде как бы на разведке.

— Так ведь я и сам знал,— сказал Вершков, смеясь,— значит, и за разведку выпьем. Соберем все разом.

— Потом, потом,— отмахнулся парторг,— давай ты сам поезжай. Не мешкай. Баня дело такое— время нельзя терять. Остынет: какой толк? — И рука его дружески легла на плечо Вершкова.

Жена, ласково улыбаясь, потянула его к двери.

Редактор *А. Б. Сулеев*. Художник *Н. Козлов*.
Художест. редактор *Н. Гаев*. Технический редактор *П. Вальчук*.
Корректор *Ш. Нурмухамедова*.

Сдано в производство 4/1—56 г. Издат. № 72. Подписано к печати 28/IV—56 г. УГ02031. Бумага 84 × 108 1/32 5,5 печ. лист.— 4,51 уч. печ. лист (Уч.-изд. 4,63 л.).

Тираж 10.000 экз. Цена 1 р. 40 к.

Алма-Ата, Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР.